

ДЕСЯТЬ СКАЗОЧНИКОВ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Дорогой
племяннице Мариночке
в день рождения от
её тёти Римы, дяди
Володи
1985 г г Свердловск

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1974

ДЕСЯТЬ СКАЗОЧНИКОВ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

СКАЗКИ
ПИСАТЕЛЕЙ
ПРИКАМЬЯ

Рисунки С. Можаевой

У каждого края свои сказки и сказочники. Есть они и в Прикамье. Решили мы поселить наших сказочников под одной крышей.

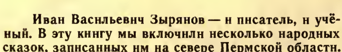
Валериан Яковлевич Баталов — коми-пермяк. До революции коми-пермяки не имели письменности, сейчас у этого народа свои писатели, своя литература.

Тираж детских книг Владимира Ивановича Воробьёва перешагнул за миллион. Это значит, что более миллиона ребят знакомы с его сказками «О том, как кот Васька в третий класс перешёл» и многими-многими другими.

Весёлые повести Льва Ивановича Давыдычева «Жизнь Ивана Семёнова», «Лёлишна из третьего подъезда», «Руки вверх! или Враг номер один» хорошо известны всем. А начинал Лев Давыдычев работу над детскими книгами со сказок.

Многие книги Алексея Михайловича Домнина связаны с историей нашего края, но маленьким читателям знакомы такие его книжки, как «Солнышкин шарф» и «Молния на кочерге».

Иван Васильевич Зырянов — и писатель, и учёный. В эту книгу мы включили несколько народных сказок, записанных им на севере Пермской области.

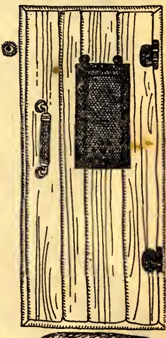
Василий Васильевич Климов — коми-пермяцкий писатель. В наш сборник вошли обработанные им коми-пермяцкие народные сказки.

У Льва Ивановича Кузьмина все книги — сказочные: «Башмаки-простаки», «Капитан Коко и зелёное стёклышко», «Четверо в тельняшках», «Дом с колокольчиком», «Шагал один чудак».

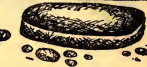
Много басен, стихов, сказок написал Афанасий Лазаревич Матросов.

Александр Николаевич Спешилов — один из старейших писателей Урала, участник гражданской войны. Он записал и обработал немало уральских народных сказок.

Участвуют в нашем сборнике писатели разные, и не тесно им под одной крышей, потому что их объединяет и роднит любовь к детям и любовь к сказке. А со сказки, с умения поверить в невозможное начинаются все прекрасные открытия.

ВАЛЕРИАН БАТАЛОВ

Волк и гусь

Был холодный осенний вечер. Скрылось за синим лесом оранжевое солнце. К реке вышел волк и осмотрелся. Он был голоден и думал только об одном: где подкараулить ягнёнка или украсть курицу?

Трава на берегу в сером инее. Пастухи уже не гоняют скот на луга, в тёплых хлевах на мягком сене дремлют овцы и телята. Но в деревню волку дороги нет: там собаки и мужики с ружьями.

Вдруг увидел он у замёрзшей заводи птицу и пополз к ней, хоронясь за кустами.

У заводи на одной ноге стоял гусь. Он отбился от стаи и теперь дремал, сунув голову под крыло.

Волк подкрался и схватил его.

— Уж не меня ли ты ждал? — спрашивает.

— Нет,— отвечает гусь.— Я стоял на льду и не заметил, как примёрзла одна нога. Дёрнул её — она и оторвалась. Не могу теперь до дому дойти на одной ноге.

— Придётся съесть тебя, калеку,— усмехнулся волк.

— Съешь,— согласился гусь.— Только у нас, гусей, есть такой обычай — плясать перед смертью. Разреши мне сплясать?

Волк подумал: «Не ускачет гусь далеко на одной ноге». Сказал:

— Пляши.— И сел, облизываясь, на кочку.— Только недолго.

— Га-га,— пропел гусь. Он подпрыгнул на одной ноге, вытянул вторую, оттолкнулся, распахнул крылья и полетел в сторону деревни.

А волк сидел на кочке и выл от обиды и голода.

Перевёл с коми-пермяцкого *А. Домнин*

Паньковы пчёлы

Давно-давно жил в деревне Сизимшор парнишка. Звали его Панфил, или просто Панько.

Был Панько мал ростом, но крепок и смышлён. Ходил он в рубашке из холстины и в лаптях. Семья жила бедно, хлеба до весны не хватало. Родители Панька батрачили у богача Надуль-Сени.

У богача были большие пашни, были лошади и коровы. Вся деревня на него работала. А сам он лежал на печи, грел толстое брюхо и пиво пил.

Маленький Панько научился охотиться без ружья — плести ловушки для куропаток. Однажды он поставил ловушку из ивовых прутьев. Наутро попалась в неё не птица, а белка.

— Отпусти меня,— взмолилась она.— Я спасалась от совы и спряталась в твою ловушку. Отпусти, я тебе услужу.

— Беги. Только как ты мне услужишь? — удивился Панько.

— В лесу мне все деревья знакомы. Пойдём.

И поскакала белка по соснам, Панько еле за ней поспевал. Привела она парнишку к глухому оврагу. Над ним стояла толстая осина с дуплом.

— В дупле живут пчёлы. Спили дерево и принеси домой пчелиный рой. Как скажешь: «Пчёлы, дайте мёду»,— так и будут они его носить, пока не остановишь их словами: «Пчёлы, отдохните».

Так и сделал Панько. Спилил осину, принёс в избу колоду с пчёлами. Сказал:

— Пчёлы, дайте мёду!

Принялись пчёлы трудиться, все соты в дупле заполнили.

— Отдохните, пчёлы!

Собрал Панько мёду полную кадку. Стали жить безголодно.

Узнал об этом Надуль-Сеня, выпятил толстый живот, сказал Панькову отцу:

— Ты мне два мешка ржи должен. Не можешь расплатиться — неси своих пчёл. Не то в суд сведу.

Погоревали отец с Паньком, но что делать — отдали пчёл богачу. Надуль-Сеня колоду на стол поставил и приказал:

— Пчёлы, дайте мёду.

Засуетились пчёлки, всё дупло заполнили, мёд на пол течёт.

А Надуль-Сеня кричит:

— Ещё, ещё, ещё!

Подставляет бочки, горшки, корчаги... Вот он уже и сам по колена в меду стоит, и всё ему мало:

— Ещё, ещё, ещё!

Увидел Панько, что из окон Надуль-Сениного дома мёд течёт, прибежал. Богач тонет, пузыри пускает, а всё равно бормочет:

— Ещё, ещё, ещё...

Так и захлебнулся.

Остановил Панько пчёл, а колоду унёс к себе, в огороде поставил. До сих пор у него живут трудолюбивые пчёлы.

Перевёл с коми-пермяцкого *А. Домнин*

ВЛАДИМИР ВОРОБЬЁВ

Кто зимы не видал

Жил-был заяц Барабанщик. Так его прозвали за то, что он любил лапами по пенькам стучать. Подбежит к старому пню и ну по нему барабанить:

— Тук-тук! Тра-та-та!

Жуки, пауки, букашки, таракашки — все с перепугу наружу выскакивают, выпрыгивают.

А зайка над ними смеётся, потешается:

— Ага! Испугались? Эх вы, мелкота! Нигде вы не бывали. Ничего не видали. Потому и боитесь всего на свете. То ли дело мы, зайцы!

Однажды жуки, пауки, букашки, таракашки и комарьё всякое на зайца совсем разобиделись.

— А где ты, серый, бывал? — затопали на него ножками пауки.

— Чего ты, косой, особенного ви-идал? — заныли комары.

— Мы и сами с усами,— сказали жуки.— С твоё-то, Барабанщик, знаем!

— Вот уж-жо поднатуж-жимся, дож-ждёшься, дож-ждёшься от нас,— жужжали мухи.

— Ах, так! — рассердился на них заяц.— Я косой? Я серый? А шубку мою белую видели? А что зимой всё кругом белым-бело, знаете?

Но букашки, таракашки, жуки, пауки зайца на смех подняли:

— Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Врёт серый про шубку белую!

— Какая такая зима?

— Почему белым-бело?

Прискакали лягушки. Приползли ужи. Прибежали ежи. И тоже все над зайцем смеяться стали:

— Ну и врёт Барабанщик!

— Всегда здесь зеленым-зелено!

— Всегда зайцы серые.

А заяц так им всем сказал:

— Раз вы мне не верите, я сюда зимой прибегу. Всех вас разбужу. Шубку белую покажу.

И ускакал в лес.

Прошло лето. Миновала осень. Попрятались и уснули в старом пне под корой жуки, пауки, букашки, таракашки и комарьё всякое. Крепко спят под пеньком лягушки, ежи. И никто из них не видал, как пришла зима и стало от снега кругом белым-бело.

И вот однажды прибежал сюда Барабанщик да как забарабанит в пень:

— Тук-тук! Тра-та-та! Просыпайтесь, поднимайтесь! Поскорее выходите, на меня поглядите!

Но никто не просыпался. Никто не отзывался. Тогда заяц забарабанил ещё сильней:

— Тр-ра-та-та! Тр-ра-та-та! — И закричал нарочно: — Просыпайтесь, поднимайтесь все, кто в пне живёт, кто лета ждёт! Лето пришло!

Тут изо всех щелей старого пня полезли букашки, таракашки, жуки, пауки и комарьё всякое. Выползли из-под пня лягушки, ужи и ежи. А как осмотрелись, так все и ахнули:

— Ах!

Кругом белым-бело. И на зайце шубка белая! Засучили лапками пауки. Затрясли усами жуки. Ежи колючками стучат. Ужи шипят сердито:

— Ш-шутки ш-шутишь, Барабанщик!

Только мухи сначала обрадовались:

— Ух, сколько сахару!

А как сели на снег, сразу лапки поджали и давай жужжать:

— Ж-ж-и-вотики ж-жёт, ж-жёт.

— З-зи-зи-ма, зи-има! — зазвенели жалобно комары.

Лягушки — те только квакнули:

— Ква-а! — И глаза от удивления вытаращили.

А заяц Барабанщик скок на пень и говорит:

— Теперь будете знать, какая такая зима?!

Но тут все поскорее опять попрятались. Кто в пень, кто под пень. От холода, от зимы подальше.

А наперёд уговорились: не судить, не рядить о том, чего сами не видели.

О том, как кот Васька в третий класс перешёл

А дело так было. Костя учился в школе. Во втором классе. Было у него много весёлых товарищей. И он жил не тужил, пока не догадался, что в школе учиться — дело не простое.

Учительница задавала на дом много уроков. Их надо было учить, а то на другой день учительница обязательно спросит. А если кто плохо выучит — тому двойку, кто совсем не выучит — тому единицу.

Уроки делать Костя не любил. Поэтому в дневнике у него двоек и единиц накопилось видимо-невидимо. А дело-то к концу учебного года было.

Вот раз сидит Костя дома за столом. Задачу решает. Да ничего у него не получается. Не умеет. Даже заплакал Костя от огорчения. Но никто этого не видел. Дома в ту пору никого не было.

Вдруг слышит Костя: кот Васька из-под стола человеческим голосом говорит:

— Не плачь, хозяин. Я тебе помогу.

Костя даже подскочил от удивления. Спрашивает кота:

— Как же это ты, Васька, говорить научился?

А кот вспрыгнул на стол, уселся поудобнее и отвечает:

— Для того и научился, чтобы тебе помочь. Вижу, хозяин в беде.

— Не сможешь ты мне помочь,— вздохнул Костя.— Ты неграмотный.

— Это я-то? — обиделся Васька.— Да я целый год на твоих учебниках сплю. Спрашивай меня, что хочешь!

Спросил его Костя. Сам по учебнику следил. Верно! Васька всё знает. И по арифметике, и по русскому. И стихотворение рассказал с выражением.

— Ложись, Костя, спать. Я за тебя все уроки сделаю. Что на завтра задано? Показывай! — говорит Васька.

Обрадовался Костя: «Вот это кот! Вот это друг!»

А наутро смотрит: в тетради всё, что надо, написано, задачки решены. «Ну! — думает Костя.— Сегодня пятёрка мне полагается».

— Только как же ты басню будешь рассказывать? — спохватился Васька.— Я её выучил, а ведь спросят тебя.

— Пропал я! — испугался Костя.

Уж они думали-думали с Васькой. Наконец Костя и говорит:

— Давай, Васька, залезай в мой ранец. Возьму тебя с собой в школу. Я за первой партой сижу, будешь мне подсказывать.

— А собак в класс никто не берёт? — забеспокоился кот.

— Нет! Ты не бойся.

Кое-как втиснулся кот в ранец. Костя за плечи его закинул и в школу отправился.

Там Костя кота в свою парту спрятал. Да так ловко, что никто не заметил.

Начался урок. Учительница ребят к доске вызывает. Дошла очередь и до Кости.

— Расскажи басню «Кот и повар»,— сказала учительница.

Кот Васька из-под парты высунулся и ну подсказывать! Радуется Костя. Слово в слово за Васькой бубнит. Ни о чём думать не надо.

Так у них и повелось. Каждый день. Придёт Костя из школы и — на улицу. Чем не житьё!

И коту неплохо. За обедом теперь Костя из-за стола не встаёт, пока Васька всего не напробуется.

А как утро — Васька в ранец лезет. Костя его в школу несёт.

Но пришёл такому житью конец.

Однажды учительница заметила, кто Косте подсказывает. Догадалась, почему мальчик глазами под парту косит. Только виду не показала.

Принесла она на другой день с собой мышку, но не настоящую, а из серого бархата. Глазки у мышки — из чёрных бусинок, хвостик — из кручёной верёвочки. Очень похожая мышка. Сразу не отличишь.

Привязала учительница мышку за нитку да и бросила незаметно на пол. Как раз в это время Костя у доски отвечал, а Васька ему из-под парты подсказывал.

Увидел кот мышку и сразу про всё забыл. Нацелился Васька на мышку, вылез из-под парты и пополз.

Заметили его ребята, толкают друг друга под локоть: «Откуда тут кот взялся?»

А Васька к мышке подкрался, прыг на неё, цап зубами и... отпрыгнул, будто ужаленный. Тряпка с ниткой!

Ребята не выдержали, как засмеются все! Васька заметался — не знает, куда от стыда деваться.

А Костя? На него лучше было и не смотреть.

Теперь учительница ребятам про всё рассказала. Они даже не поверили. Но тут она стала спрашивать. Косте стихотворение — Ваське стихотворение, Косте задачу — Ваське задачу.

Костя, конечно, ничего не умеет. А Васька правильно отвечает. Ещё бы! Уроки-то кто учил? Подумала-подумала учительница и говорит:

— Василия я в третий класс перевожу, а Костю... Это ещё подумать надо.

После уроков кот говорит Косте:

— Неси меня домой!

— Не понесу! Ты меня как подвёл? Иди за это домой пешком!

— Так я же нечаянно! Я же не знал, что мышка ненастоящая! — оправдывался Васька.

— Да зачем тебе она? Хоть бы и настоящая! Плохо я тебя кормил, что ли?

— Мы-ы-шка? Заче-ем? — изумился кот.

Каждый охотник понял бы Ваську.

Но Костя всё-таки кота нести отказался.

— Раз так,— заявил тогда при всех Васька,— в школу вовсе ходить не буду! Очень мне нужно пешком...

И больше его в школе не видели.

А зря это он. Ведь уже в третий класс перешёл... Верно?

Витя Завидкин и зелёная старуха

Жил мальчик Витя. Бывало, увидит он у кого что-нибудь и сразу вздыхает: «Эх, мне бы!» Затрясётся весь даже, нос у него побелеет — завидно.

Ребята его Завидкиным прозвали.

Вот играют однажды дети во дворе. И Витя с ними. Вдруг видит он: какая-то старушка из-за угла пальцем его к себе манит. Подойди, мол, сюда. Подбежал к ней Витя и спрашивает:

— Вам чего, бабушка?

— Я к тебе пришла,— ответила она.

Витя смотрит на неё и удивляется: бабушка вся зелёная. Лицо у неё зелёное и глаза тоже. Платье, платок на голове и даже волосы не белые, как у всех старушек, а зелёные — космами торчат. Опирается старушка на зелёный посох, улыбается — зелёные зубы показывает.

— А мы с тобой родня,— сказала она.— Ты — Завидкин, а я — Зависть Зелёная.

— Никакой я не Завидкин,— обиделся Витя.— Это меня ребята так прозвали.

— Хорошо прозвали,— заулыбалась Зависть Зелёная.— Мне очень нравится.

В это время мимо проходила девочка с мороженым в руке. Витя уставился на девочку и проглотил слюнки. Увидала это Зависть Зелёная, склонилась над Витей и зашептала:

— Завидно тебе, Витя? То-то... А вот если будешь дружить со мной, я тебе всё добуду.

Витя обрадовался и говорит:

— Хочу мороженого.

Зависть Зелёная пощёлкала зубами, подула губами, похлопала в ладоши — и, откуда ни возьмись, стаканчик мороженого у Вити в руках очутился.

Не успел он спасибо сказать, как захотелось ему футбольный мяч получить.

К стр. 8

К стр. 23

Старуха пощёлкала зубами, подула губами, похлопала в ладоши — и футбольный мяч подкатился к ногам Вити. Такой же, как у ребят, даже лучше.

Не успел Витя спасибо сказать, видит: мальчик на велосипеде катается.

— Хочу вон такой велосипед! — крикнул Витя.

Зависть Зелёная пощёлкала зубами, подула губами, похлопала в ладоши — и, словно из-под земли, вырос перед ним двухколёсный велосипед.

Витя и спасибо забыл сказать, захотелось ему и того, и другого, и третьего.

Старуха Зависть Зелёная ни в чём Вите не отказывает.

— Пожалуйста,— говорит,— бери, хватай! Я всё могу!

Посмотрел Витя на ребят, а они игрой заняты — ничего не замечают.

— Бабушка! — взмолился он.— Сделай так, чтобы я на одни пятёрки учился, лучшим вратарём на нашем дворе был, на баяне умел бы играть и разные вещи умел бы делать.

— Ишь ты, на баяне играть! Да пожалуйста, играй себе на здоровье.

В руках у Вити очутился баян. Не успел он подумать, что бы ему такое сыграть, а баян сам играет. Да как играет!

— Это не то, бабушка,— сказал Витя.— Вот если бы я сам умел, понимаете?

Старуха как услыхала это — ещё больше позеленела, головой затрясла, посохом застучала.

— Вон чего захотел! А я тебе, негоднику, уже пятёрки в дневнике поставила.

— Пятёрки! — обрадовался Витя.

Начал он вслух стихотворение читать, за которое двойку вчера получил. Но, как лоб ни морщил, опять не вспомнил. Рассердился тут Витя и говорит:

— На что мне такие пятёрки! На что мне такая музыка! Я так не хочу!

— А-а! Не хочешь? — зашипела старуха.— Тебе надо уметь? Да чтобы всё сам? А кому же ты тогда завидовать будешь?

— Да я тогда и завидовать не буду!

И только Витя это сказал — зелёное облачко поднялось над тем местом, где Зависть Зелёная стояла.

Огляделся Витя. Ни велосипеда, ни мяча футбольного, ни баяна. И даже мороженого будто не едал.

Хотел он ребятам рассказать про всё, что сейчас только с ним произошло, да раздумал. Всё равно не поверят. А ведь было!

Про мальчишек нехороших

Хорошо было на даче. Речка рядом: хочешь — купайся, а не хочешь — на песке валяйся. И большой лес близко. По грибы можно ходить и по ягоды. Девочки и мальчики день-деньской бегали, играли. Все весёлые. Только одной девочке Тане было невесело. Донимали её нехорошие мальчишки. Не один раз Таня от них плакала.

А были эти нехорошие ребята вот кто. Боря. У него всегда руки грязные. Танин фартучек он руками грязными припечатывал. Потом Витя. Что Таня ни сделает, что ни скажет — Витя передразнивает. Потом Яша. Где ни встретит Таню, голову свою нагнёт и бодает. Ещё Петя. Он всё драться лезет. И потом ещё Стёпа. Он, чуть что, грозится всегда: «Я тебе дам! Я тебе задам!»

Вот однажды убежала от них Таня в лес. Сидит на полянке и плачет. А полянка эта была непростая. Здесь старичок-волшебник жил. Ночью он на полянке пеньком стоял, а днём по лесу ходил.

Прибежали сюда мальчишки нехорошие и опять Таню донимать стали.

Вдруг, откуда ни возьмись, старичок с кривой палочкой. Вышел он из леса на полянку и говорит Тане:

— Хочешь, я озорников этих накажу?

А мальчишки нехорошие вокруг старичка запрыгали, заскакали. Смеются и дразнят:

— Не поймаешь, не поймаешь! У тебя ноги старые! У тебя палочка кривая!

Старичок и говорит им:

— А мне и ловить вас не надо. И так накажу. Слово я такое знаю.

Живо повернулся старичок кругом, слово своё сказал, кривой палочкой помахал. И не успели мальчишки нехорошие глазом моргнуть, как превратились они кто в кого: Боря — в поросёнка, Витя — в мартышку, Яша — в козлёнка, Петя — в петушишку, а Стёпа — в собачонку-дворняжку.

Смотрит Таня: нет старичка, будто и не было. Убежала Таня, а поросёнок, козлёнок, мартышка, петушишка и собачонка-дворняжка одни на полянке остались. Сели они в кружок и плачут, каждый по-своему. Поросёнок верещит, козлёнок бебекает, мартышка визжит, петушишка кукарекает, а собачонка-дворняжка скулит.

Как им теперь быть — не знают. На дачу бежать нельзя: прогонят их. В лесу оставаться страшно: волк съест.

Вдруг слышат они: электровоз прогудел. Это родители в гости к ребятам приехали. К кому папа, к кому мама, к кому бабушка.

Кинулись встречать родителей поросёнок, козлёнок, мартышка, петушишка и собачонка-дворняжка.

Подбежал поросёнок к маме. Захрюкал. А мама и говорит:

— Смотрите, чего это поросёнок ко мне привязался?

Оттолкнула поросёнка и дальше пошла, Борю своего искать.

И Яшина мама удивляется:

— Чего козлёнок за мной увязался? Чего ему надо?

Оттолкнула козлёнка и дальше пошла, Яшу своего искать.

А Витя-мартышка повис хвостом на ветке и с папы своего шляпу сдёрнул.

— Смотрите! Смотрите! — закричал Витин папа.— Обезьянка из зоопарка убежала!

— Кыш-кыш отсюда! — закричала Петина мама на петушишку.

— Почему тут собак держат? — рассердилась Стёпина бабушка и прогнала от себя собачонку-дворняжку.

Увидела всё Таня и пожалела мальчишек нехороших.

Подозвала к себе поросёнка, козлёнка, петушишку, мартышку и собачонку-дворняжку тоже. Говорит им:

— Пойдём к дедушке. Он опять вас в мальчиков превратит.

Прибежали они на полянку. А там старичок стоит. Тот самый, с кривой палочкой.

— Ну, что? — спрашивает он.— Будете ещё обижать старых да малых?

Закачали, замотали головами поросёнок, мартышка, козлёнок, петушишка и собачонка-дворняжка. Просят старичка каждый по-своему. Поросёнок верещит, мартышка визжит, козлёнок бебекает, петушишка кукарекает, а собачонка-дворняжка скулит.

— То-то,— пригрозил пальцем старичок.— Так и быть, скажу слово.

Живо повернулся старичок кругом, слово своё сказал, палочкой кривой помахал. И, никто глазом моргнуть не успел, стали мальчики мальчиками.

Четверо братьев

Было у отца с матерью четверо сыновей. Подросли они в родительском доме, окрепли и надумали по земле походить — людей посмотреть, себя показать.

Не хотелось матери сыновей от себя отпускать. И так и сяк она их отговаривала. Плакала даже. Только от отца украдкой. Потому что не любил он ни слёз, ни болтовни жалостливой.

— Пускай идут дети, пускай на людей посмотрят и себя покажут,— сказал отец.

Вот собрались братья в дорогу. Стали с родителями прощаться. Отец им и говорит:

— Надо вам из дому на счастье что-нибудь с собой взять. Выбирайте сами.

Взял с собой старший сын топор. Второй сын — лопату большую. Третий сын молоток выбрал с крепкой рукояткой. А младший мамкиным баловнем был. Сунула ему мать в руки пуховую подушку.

Старший сын на север отправился. Второй пошёл на восток. Третий путь выбрал на запад. А младшенького мать за локоток к южной сторонке подтолкнула. И отправился он в тёплые края.

Вот идёт старший сын всё дальше на север. В густые леса забрёл. То дорогой идёт, то узенькой тропкой. Шёл он через горы высокие, плыл через реки широкие — везде люди живут.

Видит раз: артель лесорубов лес рубит. Да, видно, приустали лесорубы. То один пот вытрет со лба, то другой. Подошёл старший сын к лесорубам и стал помогать: как махнёт топором — вздрогнет дерево, а как ударит — оно и повалится. Только гул по лесу идёт. Подивились лесорубы на такую силищу и говорят:

— Добрый из тебя товарищ будет. Оставайся с нами.

Обрадовался старший сын. Надоело ходить по земле без настоящего дела. Остался он жить с лесорубами.

Второй сын что ни дальше шагал на восток — было ему всё любопытнее. Поля и леса проходил напрямик. Шёл через горы высокие, плыл через реки широкие — и везде люди живут.

Шёл, шёл — дорога в скалу упёрлась. Нет дальше ходу. А перед самой скалой народу видимо-невидимо.

— Что вы здесь собрались? — спросил второй сын.

— Дорогу строить будем. Через лес, через высокую гору. Оставайся с нами.

Обрадовался он. Надоело ходить по земле без дела.

Тут все шапки побросали, лопаты в руки — и пошла работа! Машины рычат, лес стонет, гора трясётся. Смотреть — и то любо-дорого.

Третий сын что ни дальше на запад шёл — городов да сёл всё прибавлялось. Что ни шаг шагнёт, то завод или фабрика. И куда глазом ни кинь, везде люди живут.

Проходил он раз мимо большого завода. Видит: из ворот машина новенькая выкатилась. Рядом люди бегут.

— Гляди, какую машину мы сделали. Нравится?

— Как не нравится! Вот бы мне так-то уметь.

— Оставайся жить с нами. Научишься!

Обрадовался третий сын. Надоело ходить по земле без настоящего дела. Пошёл он на завод работать.

А тем временем младший сын, мамкин баловень, всё на юг шагал. Чем ни дальше идёт, всё теплее. Что ни больше глядит, всё милее кругом. В степь пришёл. Вся в цветах степь да в хлебах. И везде люди живут.

Видит младший сын: на бахче арбузы собирают и дыни. Большие они уродились, тяжёлые. Притомились, видать, люди. Спины мокрые у всех.

— Что, добрые люди, делаете? Зачем пóтом обливаетесь? — спросил младший сын.

— Чем пустое спрашивать, ты помог бы!

— Ладно,— сказал мамкин баловень,— так и быть, помогу вам арбузы есть. Позовите меня, как с работой управитесь.

Бросил он на траву подушку и лёг, дожидается. Но никто его не позвал. И в другой раз так было, и в третий. Подвело у младшего сына живот от голода. Не в радость ему ни солнышко, ни цветочки, ни сам тёплый край.

Много ли, мало ли времени прошло — неизвестно, а только получили отец с матерью сразу четыре письма.

В одном письме, от старшего сына, они прочитали:

«Хорошо мне живётся. Помог топор моему счастью. Низко кланяюсь вам, отец с матушкой».

«Хорошо мне живётся,— написал второй сын.— Помогла лопата моему счастью. Низко кланяюсь вам».

«Хорошо мне живётся,— писал третий сын.— Помогает молоток моему счастью. Низко кланяюсь вам, отец с матушкой».

А в четвёртом письме, от младшего сына, от мамкина баловня, написано: «Пирогов напеките. Домой еду».

Ёрш — рыба кунгурская

Знаменит уральский город Кунгур тем, что он с давних времён стоит, а ещё больше мастерами своими славится. Не последним в Кунгуре мастером был резчик Иван Лёгкая Рука.

Что ни выходило из его рук — всё словно не каменное и не костяное. Цветок сделает — как живой горит и будто пахнет. Оленя сработает — вот-вот затопочет олень копытами. Птицу вырежет — из рук выпустить страшно: улетит!

Так однажды сидел он и ерша из бараньего рога вырезывал. Работа как работа. Только замечает Иван: костяной ёрш вроде шевельнулся в руке. И лишь кончил Иван работу — ёрш плавники растопорщил и жабрами повёл. Глазом живым взглянул на Ивана и выговорил:

— Отпусти меня, мастер, в реку!

Иван так и ахнул! Виданное ли дело, чтобы рыба говорила, да ещё не простая, а костяная?

А ёрш как ни в чём не бывало речь свою дальше ведёт:

— Не дивись, мастер, что заговорил я. Ничего в том мудрёного нет. А дивись мастерству своему. Я ведь у тебя живым удался. Отпусти меня в реку.

— Не пущу,— молвил Иван.— Не было ещё мне такой удачи.

А ёрш одно твердит:

— Сделал рыбой — пусти в реку.

Согласился тогда Иван отпустить ерша на малый срок. А ёрш слово дал своё нерушимое вернуться через месяц и один день.

— Мне бы только кругом осмотреться, с другими ершами подраться да помириться. Я на дело скорый,— сказал ёрш.

Положил его Иван в фуражку и к реке отправился.

Все встречные-поперечные, прохожие-проезжие с мастером Иваном здоровались. Любопытствовали:

— Куда, Иван Лёгкая Рука, идёшь? Чего в фуражке несёшь?

Всем он отвечал:

— Иду на реку, несу рыбу в воду пустить.

Смеялись люди. Думали, шутит мастер. А того не видели, как Иван, к реке подойдя, бросил костяного ерша в воду — только булькнуло.

Очутился ёрш в воде. Обрадовался. Туда-сюда плавает. Рот открывает да покрикивает неслышным рыбьим криком:

— Эй, выходи! Покажись, кто смелый!

И тут из глубины зелёной выплыла царь-щука. С бревно толщиной. Глазища у неё — с тарелку каждый. Глядит на ерша, не мигает. Разинула щука пасть, показала свои зубы острые в два ряда и говорит:

— Полезай сюда! Или порядков моих не знаешь?

А ёрш глазишки свои растаращил, плавнички растопорщил и отвечает лихо:

— Я ёрш не простой, а костяной. Не боюсь я тебя!

Схватила щука ерша поперёк — передних зубов как не бывало. Схватила вдоль — и второй ряд посыпался.

Взвыла царь-щука неслышным рыбьим воем. Потом прошамкала жалобно:

— Ёрш Ершович, пошто пришёл?

— Вот тебе, царь-щука, моя воля: ершей впредь щукам не хватать, не глотать.

Позвала царь-щука всех щук, щучек и щурят подначальных, указ-приказ объявила охранный. Повелела она по всем рекам и озёрам, прудам и морям ершей впредь не трогать.

Поплавал костяной ёрш в реке. Кругом осмотрелся, с другими ершами подрался, а там и срок его пришёл.

Ровно через месяц и один день всплыл ёрш на том самом месте, куда Иван Лёгкая Рука его в воду бросил. Всплыл он и видит: стоит на берегу Иван, дожидается.

— Эх, мастер! — сказал ёрш.— Кругом я осмотрелся, с другими ершами подрался, а помириться не успел. Дай мне ещё в реке пожить.

То ли оттого, что совестился Иван Лёгкая Рука рыб в банках томить, как птиц в клетках, то ли по душе ему пришлось, что ёрш слово своё сдержал, а только махнул он рукой и отпустил его навсегда.

С тех пор в той реке щуки ершей совсем не едят. А в других реках, озёрах, прудах и морях — опасаются.

Гости деревенские

Жили-были старик со старушкой. Весь свой век прожили они в деревне. А деревня Лужками звалась. Однажды и говорит старушка:

— Ни разу я, старик, в городе не бывала. Хочется мне в городе погостить.

— Эка, чего выдумала — в городе погостить! Нет там у нас с тобой ни родни, ни знакомцев.

Промолчала старушка. А только на другой день опять за своё: «В город хочу». Да так каждый день.

Уговорила старика. Приехали они в город. Идут по главной улице, высокими домами любуются. Народу вокруг видимо-невидимо. Гудки, перезвон. Не то пожар, не то праздник — не поймёшь.

Устали старик со старушкой гуляючи. Сели на лавочку отдохнуть. А лавочка и скажи человеческим голосом:

— Здравствуйте, гости дорогие! Я ведь тоже лужковская.

Удивились старик со старушкой. Думают, не ослышались ли. А лавочка опять заговорила:

— Сделана я из того брёвнышка, что из лужковского леса ты, дед, зимой вывез. Помнишь?

Мно́го дед брёвен вывез из леса. Всякое не упомнишь. Однако встрече обрадовался и лавочку ладонью погладил.

— Неподалёку,— сказала лавочка,— ещё наши лужковские есть. Мимо будете идти — они вас сами окликнут.

И правда, только отправились старик со старушкой по улице, слышат: кто-то зовёт их. Вошли. Палаты светлые, высокие — потолка не видать. Вдоль стен прилавки дубовые, узорчатые. А на прилавках чего только ни стоит, ни лежит, ни навешано! На одних — зеркала, телевизоры, гармошки. На других — чашки, тарелки и ложки. А на третьих — сапоги и валенки, большие и маленькие. А дальше всё сукна, ситцы...

— Здравствуйте, гости дорогие! А я ведь тоже лужковское. Или не узнаёте? — окликнуло их с прилавка белое полотно.

Ахнула старушка. И впрямь знакомец! Всем колхозом лён сеяли, жали, мочили, сушили. Как тут не узнать?

А полотно и говорит:

— Неподалёку в большом доме, за высокими дверями, за широкими окнами ещё наши лужковские есть. Вас увидят — сами окликнут.

Пришли старики в тот дом. Вдоль стен — мраморные прилавки и полки стеклянные. Всё блестит: смотреть больно.

Дивятся старики. Да как и не дивиться: на одних прилавках за стеклом — зима. На снежку, на льдинках — свиные окорока, бараньи бока, колбасы, сосиски, сыры.

На других прилавках за стеклянными стенками — лето. Огурцы спинки греют. Картошка, морковь и капуста красуются. Лук зеленеет.

Белые хлебцы, булки, румяные бублики — чего только нет!

И в это время с прилавков и с полок на разные голоса закричали им огурцы, картошка, помидоры, лук, сыры, окорока, бублики:

— Здравствуйте, гости дорогие! Мы лужковские! Мы лужковские!

Повеселели старик со старушкой. Вон сколько знакомцев у них в городе оказалось!

И слышат они — хлебец им молвит:

— Тут недалече по улице ещё наши лужковские есть.

Идут старик со старушкой по улице. Глядят: за высокими дверями, за широкими окнами — людей полно. Вошли. Огляделись. Палаты не палаты, хоромы не хоромы. Дворец да и только! Пол плитками выложен. С потолка белые шары ласковый свет льют. На столах да на полках — везде книги. Стоят они чинно, глядят строго. «Нет, наверно, тут наших, лужковских»,— подумали старики.

Вдруг одна книга страницами прошелестела:

— Здравствуйте, гости дорогие! Я лужковская!

Посмотрели старики в книгу, а там пословицы да поговорки. Одна другой умнее, одна другой разумнее — и все лужковские.

— Тут неподалёку в доме ещё лужковские есть. Только забыли вы их, наверно,— прошелестела книга.

— Как же это земляков забыть,— обиделся старик.

Направились старик со старушкой в дом неподалёку. Комнат в нём ни сосчитать, ни обойти. И везде столы, под стеклом да под алой скатертью. На них диковинные раковины из дальних морей, клыки чудовищ невиданных, цветы и травы неведомые, чучела зверей и птиц незнаемых. А ещё кольчуги тут старинные и кремнёвый топор, каким в стародавние времена люди работали.

И вдруг слышат старики со стороны будто голоса знакомые:

— Здравствуйте, гости дорогие! Или лужковских не припоминаете?

Видят: стоит соха деревянная, а рядом стан ткацкий, тоже деревянный. Всплеснули руками старики от удивления:

— Вот где увидеться довелось! Не обессудьте, и впрямь забыли про вас.

А те и говорят:

— Слышали мы, в Лужках-то теперь все плуги железные и кони тоже железные? Правда ль?

— И будто полотно теперь железные станы ткут?

— Не обманули вас люди. Правда это,— ответили старики.

Решили старик со старушкой домой ехать. По Лужкам своим соскучились. А надо было через площадь переходить. Видят: посредине площади на каменной глыбе стоит во весь рост из бронзы отлитый солдат. И вот показалось старикам, будто он чуть улыбнулся им. А потом и говорит гулко:

— Здравствуйте, земляки!

Смотрят старики: похож он на тех парней лужковских, что с войны не вернулись.

— Поклонитесь от меня родным Лужкам,— говорит солдат.

Снял шапку старик. Старушка слезу смахнула.

До деревни был путь долгий. А там уже народ ждал с расспросами. Передали старики землякам поклон от солдата, рассказывать стали, что в городе видели, кого из лужковских встретили.

Много, оказывается, родни да знакомцев у деревенских в городе.

Кто кому должен?

Повстречались на колхозном дворе Петька-петух, курица Домовница, гусь Красные Лапы, свинья Круглое Рыльце, овечка Шерсть Колечком, коровёнка Бурёнка и конёк Меринок. Слово за слово — разговорились.

— Му-учают,— сказала корова.— Молоко телятушкино доят своим ребятишкам.

— Ме-меня стригут, себе шерсть бе-бе-рут,— заблеяла овца.

— Последнюю щетинку взяли у свинки,— плакалась свинья.

— Куда-куда это гоже?! Сколь яиц ни снесу, все в кладовку унесут,— раскудахталась курица Домовница.

— А из пёрыш-шек подуш-шки ш-шьют,— прошипел гусь.

Конь мотнул головой и сказал:

— А меня работать заставляют и-го-го как!

— Ку-ка-реку! — заорал петух.— Уйдём в лес за реку!

И, недолго думая, пустились они со двора. Бурёнка полегоньку в поле пшеничное забрела. Шерсть Колечком отправилась на бахчу дыни есть. Круглое Рыльце бегом в огород. Домовница в просо забралась. Красные Лапы в малинник ушёл. Меринок со всех ног в овсы кинулся. А Петька-петух в один дух на скирду взобрался. Поглядывает.

Но отовсюду их прогнали колхозники. Говорят:

— Ишь какие скорые! Прибежали на готовое. Не хотите добром делиться, подите прочь!

— Ку-ка-реку! — заорал снова Петька-петух.— Идём в лес за реку-у!

Послушались Петьку. Ушли в заречный лес. Насовсем. Там они поначалу все вместе держались. Потом опять разбрелись. Корова — на полянку, траву есть. Овца — на опушку, кусты глодать. Свинья — в дубняк, по жёлуди. Конь — в луга, гулять. Курица с петухом и там и сям поклёвывают. А гусь Красные Лапы по реке поплыл и гогочет.

Привольно зажили они на свободе. Меринок не возит, не пашет, знай хвостом машет. Красные Лапы всё ныряет да плавает. Круглое Рыльце в болоте полёживает. Шерсть Колечком с Бурёнкой гуляют — сами себе хозяева. А Домовница снесёт яйцо и забудет, где.

Но вот пришла осень. Увяли травы, осыпались листья. Голодно стало. Холодно. Что ни день, то дождь. Что ни дальше, то хуже. Потом и зима наступила. Повалил снег. Застыла река. Нахохлились петух с курицей. Дрожат от холода конь с коровой. У свинки из-под щетинки рёбра видать. Овца волков боится. Гусь шипит-сипит, не гогочет. Горло простудил. Все есть хотят, а нечего. Вот собрались они вместе. Стали думать, как дальше жить. Думали они, думали, ничего не придумали. И припустили со всех ног на колхозный двор.

Прибежали, глядь — а ворота заперты. Делать нечего, проситься надо.

— Мы-ы,— замычала Бурёнка.— Это мы-ы.

— Я работник и-го-го какой! — заржал Меринок.

— Возьмите щетинку у свинки,— верещала Круглое Рыльце.

— Пош-шутил я,— прошипел гусь Красные Лапы.

— Я овечка, у меня шерсть колечком! Берите, сколько хотите.

— Куда-куда, куда яички класть? — закудахтала курица Домовница.

А Петька-петух взлетел на ворота, крыльями захлопал да как закричит:

— Ку-ка-реку! Не пойдём в лес за реку-у!

Отворили колхозники ворота, впустили всех во двор.

— Как это вас волки не съели? — спрашивают.

И дали поскорей еды всякой. Коню — овса с сенцом. Корове — сенца с овсом. Свинье — картошки вареной. Овце и гусю — отрубей пареных. А курице с петухом вдоволь проса насыпали.

Наелись, напились все досыта — и кто куда. Конёк Меринок — в конюшню. Бурёнка — в коровник. Овечка Шерсть Колечком — в свой хлев. Свинья Круглое Рыльце — в свинарник. Гусь Красные Лапы, Петька-петух и курица Домовница по своим местам — в птичник. И живут они теперь на всём готовом. На людей не в обиде.

ЛЕВ ДАВЫДЫЧЕВ

Как Медведь кашу ел

Плохо жилось зайцам.

Совсем замучил их ленивый Медведь. Всё ему подай, поднеси.

Ни поиграть, ни травку пощипать у бедных зайцев времени нет.

Загрустили зайцы, приуныли, призадумались.

Как бездельника проучить?

— Придумал! — радостно воскликнул заяц по имени Прыг-Прыг.— Пусть Медведь всё делает сам! Надо заставить его!

— А как? — спросил заяц по имени Скок-Скок.

— Не будем его слушаться,— предложил третий заяц. Его звали Прыг-Скок.— Не будем — и всё!

— А как? — спросил Скок-Скок.

— Я мастер на все лапы — знаю, что делать! — весело крикнул Прыг-Прыг.

Вдруг раздалось: топ, топ, топ — и громкий голос Медведя:

— Дайте мне каши! Дайте мне каши! Дайте мне каши! Я есть хочу!

Зайцы вскочили, переглянулись и — побежали, побежали, побежали.

К бабушке прибежали.

Прыг-Прыг сказал:

— Бабушка, бабушка, Медведь есть хочет, каши просит. Свари-ка ему каши много-много, только без соли!

— Только без соли! Только без соли! Только без соли! — закричали зайцы.

Бабушка достала большое-большое ведро.

Бабушка налила в ведро много-много воды.

Бабушка положила в ведро много-много крупы.

И затопила бабушка печку.

Дрова горели-горели, вода кипела-кипела, каша варилась-варилась.

Сварилась.

Поднатужились зайцы, подняли большое-большое ведро на палке, побежали, побежали, побежали.

На полянку прибежали.

— Долго, долго бегали,— сердито пробурчал Медведь.— А где ложка? Я лапой есть не буду! Сейчас же принесите мне ложку!

Зайцы побежали, побежали, побежали.

К бабушке прибежали.

— Медведь кашу лапой есть не хочет,— сказал Прыг-Прыг.

— Он ложку просит,— сказал Скок-Скок.

— Самую маленькую,— сказал Прыг-Скок.

— Самую маленькую! Самую маленькую! — закричали зайцы.

Взяли зайцы ложку, побежали, побежали, побежали.

На полянку прибежали.

— Это что такое? — грозно спросил Медведь.

— Ложка,— ответили зайцы.— Это ложка.

— Ма-а-а-аленькая! — обиженно заревел Медведь.— А я большой! Я не могу есть маленькой ложкой! Принесите мне самую большую ложку!

Переглянулись хитрые зайцы, побежали, побежали, побежали.

К бабушке прибежали.

— Отдохните,— сказала она и каждому дала по морковке.

— А Медведь-то голодный! — засмеялся Прыг-Скок.

— Так ему и надо! — засмеялся Скок-Скок.

Прыг-Прыг взял топор.

Тук, тук, тук!

Стук, стук, стук!

Тук!

Стук!

Тук!

Стук!

Прыг-Прыг был мастер на все лапы и вырубил из бревна огромную ложку.

К стр. 39

К стр. 56

Такую огромную, что зайцы еле-еле подняли её.

Поднатужились зайцы и — побежали, побежали, побежали.

На полянку прибежали.

— Вот это ложка! — радостно закричал Медведь. Схватил он ложку, сунул её в ведро и заревел: — Не лезе-е-ет!

Отшвырнул Медведь ложку, захватил горсть каши лапой, сунул в пасть, пожевал да как заревёт на весь лес:

— Несолёная! Не могу я есть кашу без соли! Принесите мне соли!

Переглянулись хитрые зайцы, побежали, побежали, побежали.

К бабушке прибежали.

Посидели зайцы, отдохнули, травку пощипали, в прятки поиграли и — опять отдохнули.

В лапушки зайцы похлопали, взяли мешочек соли и потихоньку-полегоньку по дороге запрыгали.

Прыгали-прыгали — на полянку припрыгали.

Размахнулся Скок-Скок и бух в ведро с кашей целый мешочек соли!

— У-ух! — радостно рявкнул Медведь и захватил кашу лапой. И зачавкал Медведь на весь лес. И зарычал Медведь на весь лес: — Пересолили! Не поесть мне из-за вас, глупые зайцы! Вот я вам!

А зайцы наутёк, только лапки замелькали.

Порычал им вслед Медведь и начал есть кашу. Была она солёная-пресолёная.

Медведь морщился, слезами обливался, но ел да ел.

Всё ведро съел.

— Зайцы! — крикнул Медведь.— Я пить хочу! Принесите мне воды да побольше!

Лес молчал.

Никто не откликнулся.

В горле у бедного Медведя совсем пересохло. Он прохрипел:

— Зайчики, миленькие...

Тишина.

Подождал Медведь, подождал и побрёл к реке.

Пил он, пил, еле-еле напился и тут же уснул.

Захрапел.

Обломил Прыг-Прыг веточку, подкрался к Медведю и пощекотал ему веточкой нос.

Вскочил Медведь, замотал головой и...

Ап-чхи! — раз.

Ап-чхи! — два.

Ап-чхи! — три.

Ап-чхи! — четыре.

Ап-чхи! — пять.

Постоял, поморщился и ещё ап-чхи! — шесть.

А зайцы смотрели на него из-за кустов и смеялись.

Услышал Медведь, погрозил им лапой и побрёл обратно в лес. Топ, топ, топ...

Говорят, что теперь он всё делает сам.

Мой знакомый воробей

Ни у кого из вас нет, конечно, знакомых воробьёв. А вот у меня есть. Да не один, а штук триста.

Вы спросите:

— А как вам это удалось познакомиться с ними?

Пожалуйста, расскажу. У меня от вас секретов нет. Я расскажу вам обо всём, о чём спросите.

Хотите знать, как можно познакомиться с воробьями?

Никогда не берите в руки рогатки. Иначе воробьи вас и близко не подпустят. Это во-первых.

Во-вторых, надо уметь разговаривать по-воробьиному. Это очень трудно, но я вас научу.

Запомните: если один воробей говорит другому: «Чиви-чиви-чиви-то!» — это значит: «Ах, как я люблю червяков!» Если воробьи галдят: «Чьто-чи-чьто!» — это значит: «Ох, опять будет дождик!»

Долго пришлось мне учиться, прежде чем я стал понимать воробьиный язык. Зато и не зря учил.

Шёл я однажды с работы домой. Была зима. Дул холодный ветер.

А на дороге сидел воробей. Сидел и не шевелился.

Я присел перед ним на корточки и спросил:

— Замёрз, брат?

Воробей кивнул.

— Пойдёшь ко мне в гости? — спросил я.— Отогреешься, отдохнёшь.

Воробей согласился. Я посадил его в рукавичку и принёс домой. Через несколько минут он уже весело чирикал, прыгал по столу.

— Как тебя звать? — спросил я.

— Чью-чью.

— Так вот, Чью-чью, я очень хочу есть. И ты, верно, давно ничего вкусного не ел. Давай-ка жарить картошку?

И началась работа. Я чистил картошку, а воробей убирал кожуру. Пока картошка жарилась, воробей успел вдоволь напрыгаться. Потом я сел за стол, а воробей — на стол. Наелись мы картошки, напились молока.

— Чи-чи,— сказал воробей.

— На здоровье,— ответил я.

В это время в комнату вошёл кот Кузьма, толстый, ленивый и хитрый.

Воробей испуганно чирикнул и взлетел на абажур.

Кузьма жадно и хрипло мяукнул и уставился на воробья своими плутовскими глазами.

— Ничего не выйдет, дорогой Кузьма,— сказал я.— Ты бы поменьше спал да побольше мышей ловил.

Кузьма обиделся и ушёл из комнаты.

— Ты его не бойся,— успокоил я воробья.— Оставайся жить у меня. Весной, в тёплые дни, улетишь.

Но Чью-чью отказался. Он сказал, что не может жить без друзей.

— Тогда прилетай с друзьями ко мне в гости,— предложил я.

Мы попрощались, и Чью-чью стрелой умчался в форточку.

С каждым днём становилось всё холоднее. Я часто вспоминал своего знакомого воробья и удивлялся, почему он со своими друзьями не прилетает ко мне погреться. Может, дорогу забыл?

Как-то вечером за окном послышалось хлопанье крыльев, а в стекло будто дождик застучал. Я распахнул форточку.

В комнату ворвались клубы морозного воздуха и целая стая воробьёв. Их было много, очень много.

Не успел я опомниться, как увидел: на столе, на стульях, на книжных полках, на полу — везде сидели воробьи.

Ступить было некуда!

Они подняли такой гвалт, что я прикрикнул:

— Тише! Соседей моих испугаете!

Воробьи замолчали. Я смотрел на них и старался угадать: который же из них Чью-чью?

— Кто из вас Чью-чью? — спросил я.

Воробьи опять подняли гвалт:

— Чи-чьи! Чи-чьи! Чи-чьи!

А «чи-чьи» — значит «я». Оказалось, что имён у воробьёв не бывает. «Чью-чью» значит «воробей».

В комнату ворвался кот Кузьма и глаза выпучил. И назад попятился. Шерсть дыбом, а испугался! Жадный кот. Где ему справиться с дружной воробьиной семьёй!

Мяукнул Кузьма жалобно и утопал.

Отогрелись мои приятели-воробьи, стали собираться в обратный путь. На прощание они сказали мне:

— Когда тебе будет нужна наша помощь, позови.

Улетели воробьи, а я подумал: «Как они мне могут помочь? Какой толк может быть от птичек-невеличек?»

Много раз навещали меня воробьи, отогревались, чирикали свои воробьиные песенки и обязательно просили меня включить радиолу. Особенно им нравился танец под названием «Полька-птичка».

Наступило лето. Воробьи перестали меня навещать.

Думал я, что до зимы нам не встретиться, но пришлось. Отправился я как-то на рыбалку. Взял у одного рыбака лодку и переехал на остров. Долго просидел я с удочкой и наловил рыбы немало. Наловил и на уху, и Кузьме.

Пора было возвращаться домой.

А лодки на месте нет — уплыла. Я её верёвкой к колышку привязал, а узелок-то с колышка и соскользнул.

Что делать?

Последний поезд в город уходит через час. Если я на него не попаду, то завтра опоздаю на работу. А это уж никуда не годится! Не люблю я на работу опаздывать.

Да и лодку жалко.

Стою я на острове один-одинёшенек и чуть не плачу с досады. Ах ты, думаю, разиня!

Вдруг вижу — летит воробей.

— Чью-чью! — закричал я. — Чью-чью!

Воробей сел ко мне на плечо, и я рассказал обо всём, что со мной приключилось.

Чирикнул воробей — дескать, не волнуйся, поможем — и улетел.

Стал я собирать ветки для костра: вдруг придётся здесь ночь коротать?

Но слышу — воробьи галдят. Посмотрел я на реку и ахнул от удивления.

Большая стая воробьёв, схватившись за верёвку, тянула лодку против течения.

Да быстро как тянула!

От радости я своих приятелей готов был расцеловать. Но птичек было так много, что если бы я поцеловал каждую, то обязательно бы опоздал на поезд.

Воробьи облепили всю лодку. Я сел за вёсла и — поехали! Я песни пел, воробьи расчирикались — то-то весело было!

Потом всей компанией ввалились мы в поезд. Пассажиры сначала рассердились, но воробьи вели себя тихо, и пассажиры успокоились.

Дома я ел вкусную уху и думал о дружной воробьиной семье. Не страшны ей никакие беды.

Даже жадного кота Кузьмы она не боится.

О мышке с золотым хвостиком, о мышке с серебряным хвостиком и о мышке, у которой хвостика совсем не было

Решил я купить себе что-нибудь необыкновенное. Ходил-ходил я по магазинам, да так ничего и не купил.

Только хотел домой повернуть, смотрю — вывеска: «Зоологический магазин».

Ну, думаю, сейчас тигра куплю! Вот будет интересно! Придут ко мне гости, попросят:

— Покажи-ка нам свою новую покупку.

А из-под кровати вылезет большущий тигр-тигрище и зарычит.

Все испугаются, а я скажу:

— Не бойтесь. Он у меня дрессированный.

И будет тигр-тигрище мою квартиру сторожить. Ни один жулик ко мне не заберётся — струсит. А если жулик в мою квартиру и заберётся, то тигр его съест.

Зашёл я в зоологический магазин, спросил:

— Тигры есть?

— Вчера всех продали,— ответил продавец.— Теперь до Нового года ждать придётся.

— Долго,— сказал я.— А есть какие-нибудь интересные звери?

— Сколько угодно. Вот ежи.

— Нет, ежа мне не надо,— подумав, отказался я.—Вдруг не замечу и сяду на него? Мне бы, знаете, зверя помягче.

Долго пробыл я в зоологическом магазине. Птиц я разных смотрел, морских свинок, рыб, черепах, цыплят и ужей.

— Мне бы необыкновенного зверя,— напомнил я продавцу.

— Не хотите ли купить мышей? — спросил он.

— Что вы! — рассмеялся я.— Зачем же мне мышей покупать? Да мне их любая кошка бесплатно наловит.

Продавец загадочно улыбнулся и поставил на прилавок клетку.

В ней сидели две малюсенькие-малюсенькие мышечки. Глазки у них были розовые, а сами они были беленькие.

Но не это, конечно, меня удивило.

Представьте себе: у одной мышки хвостик был золотой, у другой — серебряный. Видали вы таких?

Вдруг мышка с золотым хвостиком сказала:

— Ах, как мне надоело сидеть в этом магазине! В этом противном магазине!

— В этом ужасном магазине! — добавила мышка с серебряным хвостиком.

Конечно, я тут же решил купить таких необыкновенных мышек.

Принёс я их домой и выпустил из клетки.

Обрадовались мышки, запрыгали, а потом пустились в пляс — коготочками затукали.

Да и я не выдержал — как ударил каблуками об пол! Пока сил хватило, плясал да приплясывал.

Сел я отдохнуть, а мышки есть запросили. Я быстренько отварил им вермишели, положил в неё масла, нарезал хлеба и пригласил:

— Кушайте на здоровье!

— Фи! — пискнула мышка с золотым хвостиком и отвернулась.— Мы едим только шоколад.

— Только, только шоколад! — повторила мышка с серебряным хвостиком.

Я рассердился, прикрикнул:

— Будьте любезны есть то, что вам дают!

— А вот и нет! А вот и нет! Мы самые лучшие мышки на свете! Таких, как мы, больше нет! Если ты не купишь нам шоколада, мы изгрызём все твои карандаши!

Пришлось мне идти в магазин за шоколадом.

Малюсенькие были мышечки, а плитку изгрызли вмиг. Даже обёртку съели.

Лёг я почитать.

А мышечки забрались на стол, опрокинули чернильницу, рассыпали карандаши, разбили стакан и блюдце.

И захихикали.

— Как вам не стыдно? — крикнул я.— А ну-ка, марш в угол!

Но мышки залезли в шкаф и хихикали там. Да ещё язычки мне показывали.

— Сейчас же встаньте в угол! — приказал я.— Быстро.

— Фи! — ответила мышка с золотым хвостиком.— Ни за что!

— Мы никогда, никогда никого, никого не слушаемся! — добавила её подружка с серебряным хвостиком.— Мы же необыкновенные. Мы же лучше всех.

До самой ночи они резвились и хихикали. Они резвились и хихикали, а я грустно думал: не забывай, что нельзя баловать ни детей, ни мышей.

На другой день, вернувшись с работы, я ахнул. Мышки качались на абажуре и хихикали.

— Что вы делаете? Марш оттуда!

— А ты купил нам шоколад? — спросила мышка с золотым хвостиком.

— Если не купишь нам шоколада,— пригрозила её подружка с серебряным хвостиком,— мы изгрызём все твои книги!

Пришлось мне бежать в магазин.

Возвращаюсь обратно и вижу: абажур лежит на полу, а мышки гоняются друг за другом по шторам на окнах.

— Нельзя же так! — жалобно воскликнул я.

— Где шоколад? — пропищала мышка с золотым хвостиком.— А то мы изгрызём все твои ботинки.

Вмиг съели они плитку. Даже обёртку съели.

И опять давай носиться!

Мышка с золотым хвостиком чуть не упала в тарелку. А в тарелке горячий суп. Мышка с серебряным хвостиком обожглась о чайник.

Такой они подняли визг и писк, что я и не знал, куда спрятаться.

Решил я их поймать и посадить в клетку. Открыл я у клетки дверцу и бросился к мышкам.

Да разве мне за ними угнаться?

А они кричали:

— Не поймаешь, не поймаешь, только ноги обломаешь!

Устал я.

Сел.

Ну что тут будешь делать?

Ушёл я утром на работу и целый день думал: а не отдать ли мне мышек обратно в зоологический магазин?

Возвращаюсь я с работы домой и вижу такую картину: настольная лампа разбита вдребезги, кастрюля опрокинута, и суп пролит...

А мышки визжат, пищат, хихикают.

До того я расстроился, что ни слова им не сказал. Стал я наводить в комнате порядок.

— А где же наш шоколад? — спросила мышка с золотым хвостиком.

— Быстрее давай нам шоколад! — приказала её подружка с серебряным хвостиком.— А то мы изгрызём твои брюки!

Занял я у соседей денег, сбегал в магазин, принёс своим мучительницам шоколад.

Мышки вмиг съели плитку. Даже обёртку съели.

Лёг я спать и ночью сквозь сон услышал тоненькие голоса. Прислушался. Открыл глаза.

На подоконнике сидели три мышки: одна — с золотым хвостиком, вторая — с серебряным хвостиком и ещё третья, у которой хвостика совсем не было.

— Убирайся прочь! — сказала мышка с золотым хвостиком.— Ты противная!

— Ты ужасная! — сказала мышка с серебряным хвостиком.— А мы необыкновенные. И едим мы только шоколад.

— Раньше у меня тоже был хвостик,— спокойно ответила третья мышка,— чудесный золотой хвостик. Но однажды страшный кот откусил мой хвостик.

— А у нас есть хвостик! А у нас есть хвостик!

— Тише,— попросила новая мышка,— разбудите хозяина.

— А мы его не боимся! А мы его не боимся!

Тут я сбросил одеяло, прыгнул к окну и схватил мышек — ту, у которой был золотой хвостик, и ту, у которой был серебряный хвостик.

Мышка, у которой хвостика совсем не было, куда-то юркнула.

Мои мышки-мучительницы плакали, просили прощения, давали слово отныне вести себя только замечательно, но я закрыл их в клетку.

На другой день я отнёс мышек обратно в зоологический магазин.

Продавец испуганно сказал:

— Проданный товар обратно не принимается! Мы не имеем права возвращать вам деньги!

— Денег мне за этих хулиганочек не надо,— сказал я,— вот вам от меня ещё рубль, купите им самых плохих конфет.

Советую вам: если увидите мышек с золотым или серебряным хвостиком, не покупайте их. А если вам их кто-нибудь подарит, откажитесь.

Хвостики у этих мышек замечательные, а сами они противные.

АЛЕКСЕЙ ДОМНИН

Ветра полная шляпа

Пошёл я однажды радостные слова для сказок искать. Долго бродил по лесам, лугам и резвым дорожкам. В поле ветер шумит, пташки звенят, радуга над озером опрокинулась. Дышать сладко и жить весело!

Зачерпнул я ветра полную шляпу, потом горсть дождинок туда брызнул вместе с искорками радуги.

Надел шляпу на голову, иду — смеюсь. И сам, как радуга, сияю.

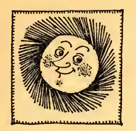
А в бороде у меня птичьи песни позапутались. Тряхну бородой — зазвенит она тихими перезвонами.

Домой пришёл, шляпу снял — сразу в комнате лесом запахло, дождик зашелестел, и ветер загулял от окна к окну. И всё кругом разноцветное и разнозвонное — и дождинки, и стулья, и мы с внучкой Ленушкой.

А Ленушка радуется!

Распахнули мы с ней все окна — смотрите, люди, порадуйтесь вместе с нами! И сказки наши послушайте.

Солнышкин шарф

Жили птицы в лесу. Сидели на ветках и пели весёлые песни. От их голосов смеялось и ярче светило солнышко. Но где живёт солнце, гуляют всякие ветры. Оно часто простужалось на сквозняке и уходило в больницу. Тогда на земле становилось хмуро и моросил дождь.

И решили птицы шарф для солнышка связать. Из песен своих разноцветных. Слетелись вместе и залились-зазвенели.

Вдруг ушастый филин прилетел и сел на сухую осину. Он был в тёмных очках, и поэтому весь мир казался ему тёмным и подозрительным. Увидел он солнышкин шарф и затрясся.

— Шуба! Моя шуба! — закричал он чёрным голосом.

Он всегда кричал, что у него украли шубу, хотя никто её не крал. Кричал нарочно, чтобы птицы боялись и чувствовали себя виноватыми.

— Почему моя шуба без воротника и рукавов? — спросил он и вытянул когти, как кривые ножи.— Вы сошьёте воротник и рукава из своих перьев.

Птицы притихли.

— М-мы готовы,— пискнула глупая птица удод. И стала себя ощипывать.— Нам, хе-хе, даже приятно, хе-хе, ходить голыми: не жарко.

— Вот и хорошо,— сказал филин.— А пока я буду спать.

И уснул. Уши у него шевелились.

— Что нам делать? — залопотали птицы.

— Каждый должен делать то, для чего он родился,— сказал ворон.— Если мы не станем вить гнёзда и будем ходить голыми, мы перестанем быть птицами.

— Значит, я уже не птица? — пискнула глупая птица удод.

А ворон сказал:

— Мы отнесём солнышку его шарф и убежим из леса.

— Ура! — прозвенели птицы шёпотом.

Они подхватили клювами солнышкин шарф и понесли. У большого озера растянули его на берегу. Ветер подхватил его конец и радугой-дугой перекинул через озеро.

И птицы побежали по радуге, как по мосту.

И в озере была радуга, только опрокинутая, и по ней тоже бежали птицы, только вверх ногами. А позади семенила глупая птица удод и тряслась от страха:

— Вдруг я упаду? Вдруг я уже не птица?

Проснулся филин и увидел радугу-дугу над озером.

— Украли! — ухнул он чёрным голосом и распахнул крылья. Налетел на радугу, вцепился в неё когтями, стал рвать и бить крыльями.

Солнышко выглянуло из-за тучи и нахмурилось.

— Ты зачем рвёшь мой шарф? — спросило оно.

— Шуба! Моя шуба! — гаркнул филин.— Ты украло мою шубу!

Солнышко засмеялось и брызнуло ему в глаза яркими лучами. У филина спали очки, и он ослеп. С тех пор он ничего не видит днём, летает только ночью и требует шубу.

А птицы разлетелись по всей земле и поют свои чистые песенки.

Почему чихали деревья

Случилось так: деревья в лесу стали чихать и кашлять.

— А-ах, а-ах, а-апчхи! — качались до земли высокие сосны.

— Чхи-чхи! — подпрыгивали ёлки.

— Чхи-хи-хи! — тряслись осинки, и с них сыпались листья.

А старый кедр, лысый и бородатый, поднимался на кривых корнях и чихал так, что пеньки летели вверх тормашками, а цветы зарывались в землю.

Чихали все — большие деревья и маленькие травинки, и не могли понять, почему.

Трухлявый пень, который только и умел жаловаться на свои болезни, теперь совсем расстонался. Он замотал себя компрессами из берёсты, налепил горчичников из сушёных крапивных листьев.

— У меня жар! — плакал он, и вместо слёз из него выкатывались светлячки.— У меня темпчхиратура!

Трухлявый пень давно надоел всем своими стонами. Его не любили. Однажды вдруг он начал жаловаться на то, что в лесу нечем дышать.

В лесу было светло, и воздух был вкусный-вкусный. Пахло сосновой смолой и хвоей, спелой смородиной и земляникой. Каждое деревцо и травинка отдавали лесу свои запахи.

А трухлявому пню это не нравилось.

— У меня голова трещит от ваших запахов,— кричал он цветам и деревьям.— Перестаньте пахнуть! — Он ворчал и плакал: — Я больной и старый, пожалейте меня.

Добрые цветы и деревья пожалели его и перестали пахнуть.

В лесу стало пусто и скучно. Улетели птицы. Спрятался ветерок-лесовей. Звонкие дождики больше не заглядывали сюда, и солнце не пило росу по утрам.

А деревья, цветы и травы стали чихать и кашлять.

— В больницу хотим, в больницу,— лопотали трусливые осинки.

— Пусть нас накормят манной чхашей и порошками,— гудела толстая кривая берёза.

Старый кедр рассердился и помёл землю бородой.

— Не мешайте мне,— сказал он.— Я буду думать и вспоминать.

Он прожил тысячу лет и знал всё на свете. Поскрипел он лысым затылком, покачал усами и сказал:

— Это грипп. Мы все заболели гриппом.

Сосны вытянулись от удивления, а трухлявый пень заныл:

— Я говорил! Я чхиворил! Теперь нам кха-кха-кхонец!

А толстая кривая берёза качнулась и ударила по лбу сосну. У обеих всплыли сизые шишки.

— Ты чего дерёшься?

— Нет, это ты чхерёшься!

— Стойте! — гаркнул старый кедр. Он скрипел от возмущения.— Стойте! Я вспомнил. Болезни приходят, когда уходит радость. Мы радовались, отдавая лесу свои запахи.

— Верно! — залопотали осинки.

— Ничего подобного! — заверещал трухлявый пень, но его уже никто не слушал.

— Долой грипп! — пели сосны.

А старый кедр приподнялся на кривых корнях и взмахнул широкими лапами.

— Приготовиться всем! — гаркнул он.— Три, четыре...

И деревья вздохнули, вытянулись цветы и травы, и все разом: — А-пчхи!

С трухлявого пня слетели компрессы и горчичники.

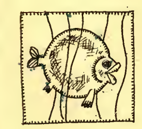
— Я голый, я мёрзну! — запричитал он.

А деревья, цветы и травы вдруг запахли, каждый на свой лад. Лес наполнился тысячами разных запахов. Пахло горьким цветом черёмух и молодыми сосновыми серёжками, ландышами и укропом, смородиной и крапивой.

Вернулись птицы и дождики, снова шепчется в листьях ветерок-лесовей, и солнце пьёт по утрам студёные росы с травы и цветов.

А трухлявый пень всё ещё жив. Опять замотал себя компрессами из берёсты, облепился горчичниками из сушёных крапивных листьев. Он ворчит, что ему отравляют жизнь, и плачет. Из него сыплется труха, и вместо слёз падают светляки.

Про рыбу, которая надулась

На дне тёплого моря, на белой коралловой горке стоял кособокий домик из раковин. На нём была прибита дощечка с надписью: «Вагак».

Подплыл к ней морской петух, зачеркнул слово «Вагак» и написал сверху мелом: «Дурак!» И трижды прокукарекал.

Вылезла из домика неловкая толстая рыба Вагак. У неё были жёлтые полосатые бока и круглый глупый рот.

— Я обижусь,— сказала она и стала надуваться.

А другим рыбам смешно. Они запрыгали вокруг и давай дразниться:

У Вагака-дурака
Очень толстые бока!..

А морской конёк вскочил на него верхом и погоняет:

— Но-о, поехали!

Вагак сильней обиделся и сильней надулся. Морской конёк свалился с его спины кубарем.

Вздохнул Вагак, чихнул с досады и отплыл за коралловую горку. И стал смотреть футбол. Команда морских коров играла с командой толстых дельфинов. В воротах стояли раки и ловили мячи клешнями.

Морские коровы забили дельфинам двадцать четыре гола.

Вагак от возмущения плавниками зашлёпал, закружился на месте, хотел засвистеть на всё тёплое море. Но свист вдруг застрял у него в горле: Вагак увидел акулу. Она кралась у самого дна и принюхивалась.

Скатился Вагак прямо на футбольное поле. Морской бык подумал, что это мяч, пнул что есть силы — и чёрный рак поймал Вагака за хвост.

— Больно! Пусти! Акула! — заверещал Вагак.

Кинулась к рыбам акула. Откусила кусок скалы, пожевала — выплюнула: невкусно. Подплыла к домику Вагака, плавники топорщит, зубами щёлкает.

— Вагак, Вагак, выходи играть.

— Как?

— В лапту.

— А ты меня не съешь?

— Нет,— отвечает акула,— я совсем-совсем сыта, даже на мороженое смотреть не желаю.

Очень хочется Вагаку в лапту поиграть. Вылез он из домика и говорит:

— Давай считаться.

— Давай,— отвечает акула.

У Вагака-дурака
Очень толстые бока...

А сама подплывает всё ближе и ближе:

Если только захочу —
Я Вагака проглочу!

Хвать — и проглотила его.

Сидит Вагак в тёмном акульем брюхе, ворочается:

— Выпусти меня, я в лапту хочу играть.

Акула брюхо поглаживает, улыбается:

— Глупый ты, Вагак. Как же я тебя выпущу, если я тебя съела?

— Тогда я обижусь.

— Пожалуйста, хоть лопни от обиды.

Надулся Вагак. Так надулся, что у акулы бока распёрло. Она не нарадуется: «Теперь никто не назовёт меня голодной. Вон я какая толстая!»

— Хватит! — кричит она Вагаку.

— А выпусти!

— Вот ещё чего придумал!

Совсем обиделся Вагак. Поднатужился он изо всех сил и так надулся, что акула взвизгнула и завертелась:

— Перестань! Мне бо...

И лопнула. Как большой мяч.

Вылез из неё Вагак и покатился к своему домику.

Увидел его морской петух и радостно закукарекал:

— Аку-ку-лу уко-ко-шил!

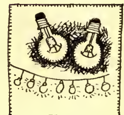
Подскакал к Вагаку морской конёк и просит:

— Ну пожалуйста, ну прокатись на мне верхом!

И другие рыбы окружили Вагака, поздравляют.

С тех пор в тёплом море никто не дразнит Вагака, рыбы с удовольствием принимают его играть в лапту или в футбол.

Молния на кочерге

Была гроза. Толкались на небе лохматые тучи и стреляли молниями в трубы. Полоснёт огненный ручеёк по трубе — и кирпичи вдребезги. Десять труб разбила молния на нашей улице.

Внучка моя Ленушка рассердилась и сказала:

— Поймать бы её и закрыть в подполье. Пускай в темноте сидит.

— Поймаю,— решил я.

Надел рукавицы, полез на крышу и стал караулить.

Хлестал дождь, студёный, с градом. Как горох, барабанил по крыше и по моей спине.

Вдруг сверкнула молния. Я схватил её за хвост и скрутил в кольцо. Заизвивалась она, зашипела, застреляла в лицо синими красками.

Принёс я её домой и бросил в подполье.

Сели мы с Ленушкой чай пить. Жевали баранки с мёдом, слушали, как шуршит под полом молния, и радовались. Ни у кого на свете нет собственной молнии. А у нас есть! Захотим — будем на ней лепёшки печь, захотим — верёвку сплетём.

Почувствовал я — что-то горячее ткнулось мне в ногу.

— Смотри! — испугалась Ленушка, и чай у неё выплеснулся на платье.

Из-под сапога у меня торчал хвостик молнии. Прожгла она дыру в полу и выползает, как змея.

— Кыш, такая-сякая, немазаная-сухая!

Топнул по ней каблуком! Спряталась. И в другом месте высунулась. Внучка забила её молотком обратно. Словно гвоздь. А она уже за моей спиной шуршит, прожигая дырку...

И началось! Заскакали мы с Ленушкой по комнате. Еле успеваем назад молнию загонять. Пол на решето стал похож, весь в дырках. Стулья в доме опрокинуты, шкаф на боку, и кровать кверху ножками!

Ленушка запыхалась, бегать больше не может.

— Мышеловку надо поставить,— зашептала мне она.— Как сунется в неё молния — тут её и прихлопнет.

— А может быть, лучше водой её окатить, чтоб остыла?

Только выползла молния в новую дырку — я из ведра на неё плеснул. Зашипела она, как раскалённый прут, изогнулась и вдруг стрельнула в печку. Ленушка едва успела наступить ей на хвост. А другим концом она уже из трубы вылезла и мотается над крышей.

Сосед наш монтёр Серёга увидел в окно огненный хвост над нашей трубой и подумал, что пожар. И побежал звать пожарников.

Еле-еле вытянул я молнию из печки и намотал её на кочергу. И задумались мы: что делать с ней дальше?

— Может быть, выпустим? — сказала Ленушка.

— Нельзя, все трубы перебьёт.

— И дома держать нельзя, потому что жить с ней сплошное мученье.

— Несчастные мы люди.

— Самые разнесчастные на свете.

Ленушка заплакала. И у меня защипало в носу. И пошли мы, вздыхая, на улицу.

Гроза уже кончилась. В бурых лужах плавали щепки и листья. Из-за леса краешком выглядывало оранжевое солнце.

Я утирал бородой слезинки и нёс кочергу, обмотанную молнией. Та ворочалась, шипела и стреляла синими искрами, как большой бенгальский огонь.

Мы спустились к реке и сели на перевёрнутую лодку. Река была оранжевой от солнца. Над ней висели провода, а по обоим берегам стояли смолистые столбы.

— Если растянуть молнию над рекой и привязать к столбам, она будет светить лучше всяких лампочек,— придумала Ленушка.

— Конечно. И ночью можно будет рыбу ловить!

— И мы от своей беды избавимся!

Ленушка так обрадовалась, что чуть не оступилась в воду.

Нашли мы проволоку, я влез на столб и прикрутил к его вершинке один конец молнии. Потом переплыл реку, разматывая её с кочерги, как нитку с катушки, и крепко-накрепко к другому столбу примотал. Повисла она над рекой, как синий огненный ручеёк, и светила ярко-ярко.

Пошли мы с Ленушкой домой, чай допивать.

И вдруг услышали звон пожарного колокола. С горы прямо к реке примчалась красная пожарная машина. С неё спрыгнули десять пожарников в касках с медными гребешками и монтёр Серёга.

— Провода горят! — закричали десять пожарников и приставили к столбу десять лестниц.

Что они хотят делать?

Монтёр Серёга влез по лестнице на столб и остриг молнию монтёрскими ножницами. Упала она в реку и разрубила её пополам.

Десять пожарников разинули рты, а монтёр Серёга обнял столб и боялся слезать.

А молния шипела и хлестала по воде.

— Ловите её! — закричал я пожарникам.— А то она всю реку выхлещет. Это же молния!

Десять пожарников надели рукавицы, прыгнули и поймали молниевый хвост. Вместе мы смотали её снова на кочергу. Десять пожарников сняли каски с медными гребешками и вытерли потные лбы.

Сказали мне:

— Привязывать молнию к электрическим столбам строго воспрещается. И на кочерге носить воспрещается. И дома держать воспрещается.

— А куда же мы её денем? — рассердилась Ленушка.

— В землю заройте.

— Выползет.

— В реку бросьте.

— Река выкипит.

Десять пожарников развели руками.

Монтёр Серёга пожалел нас и сказал:

— Отдайте мне. Я отнесу её на электрический завод и что-нибудь придумаю.

— Пожалуйста,— обрадовался я,— бери вместе с кочергой!

Дома мы с внучкой выпили целый самовар чаю. Даже не заметили, что пили без мёда. Всё равно чай показался сладким.

Мы смеялись над тем, что пол у нас в дырах и похож на решето. А потом крепко уснули.

Кончились наши несчастья!

Приснилось мне, будто у монтёра Серёги молния вырвалась и снова стала стрелять по трубам. А Серёга скакал за ней по крышам с кочергой и не мог поймать.

Я с перепугу проснулся и разбудил Ленушку.

— Ты знаешь, что мы с тобой обманщики? Другому человеку отдали свою беду. Теперь, наверное, другой человек с нею слёзы льёт?

— Да, мы с тобой самые распоследние обманщики на свете,—вздохнула Ленушка.— Наверное, у монтёра Серёги молния и стены прожгла...

— И потолок...

— И крышу...

— Бежим скорей к нему!

— Бежим!

Как были мы босые и неодетые, так и прибежали к Серёге.

Он только что вернулся с завода и высыпал на стол из кармана пригоршню маленьких лампочек. Они были очень яркие и светили без всяких проводов.

— Слушай, Серёга,— сказали мы ему.— Ты уж прости нас, пожалуйста. И отдай нам обратно молнию. Пусть нам одним будет плохо.

Монтёр Серёга рассмеялся.

— Возьмите,— говорит.

И высыпал нам в ладошки две горсти маленьких лампочек.

В них горели маленькие кусочки молнии.

Теперь каждый Новый год мы с внучкой Ленушкой достаём их из чемодана и развешиваем на ёлке. Они горят, как маленькие бенгальские огоньки.

Ночь в трубе

Есть у нас в посёлке пруд. А на берегу за синим забором хлебный завод с высокой закопчённой трубой. Из трубы выходит чёрный дым, а на заводе делают белые баранки и печенье.

Как-то поздно вечером проходили мы с внучкой Ленушкой по берегу. Дым из трубы валил густой, расползался над прудом, и становилось темно.

— Смотри,— сказала Ленушка,— из трубы ночь выходит.

— Ага,— сказал я.

— Днём она в трубе прячется. Если трубу заткнуть, всегда будет день.

— Ага,— сказал я.

Нашли мы пузатый бочонок, дождались утра и пошли трубу затыкать.

Влез я на трубу, сунул голову внутрь и чуть не задохнулся: дым в горле застрял. Выдернул голову. Но успел заметить: внутри трубы ворочается что-то чёрное. Наверное, ночь.

— Она! — кричит мне снизу Ленушка.— Потому что у тебя лицо теперь ночное!

Провёл по лицу ладонью — верно, вся ладонь чёрная.

— Затыкай! — кричит Ленушка.

Я бочонок, как пробку, приставил и кулаком пристукнул.

Слез и в пруду умылся. Бороду солнышку подставил, чтоб скорее сохла.

Целый день мы с Ленушкой радовались.

А потом грустно стало. Вроде бы спать пора, а не хочется. Солнышка нет, а светло, и звёзд не видать.

— Мы теперь совсем звёзд не увидим? — вздыхает Ленушка.

— Совсем.

— И луну тоже? И спать совсем перестанем? А как же в садик не спавши ходить?

— Не знаю.

У Ленушки слёзы на глаза навернулись. И мне плакать хочется. Нехорошо мы сделали.

— Давай выпустим ночь обратно?

— Давай!

И помчались мы к пруду.

А там народу — не протолкнёшься. И все на трубу смотрят. А труба прыгает, как живая, то надуется, то вытянется. И кричит:

— Выпустите меня! Я опаздываю.

Никто не поймёт, что с ней случилось. Иные хохочут:

— Гляди-ка, вприсядку пошла!

Пекарь в белом халате бегает вокруг, руками машет:

— Куда ты? С ума сошла? Во что я дым выпускать буду?

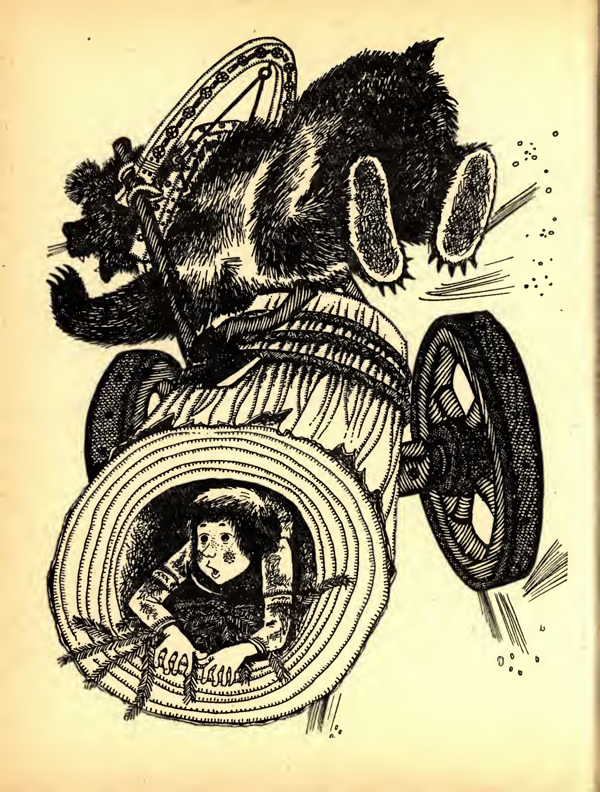
А труба вот-вот разорвётся.

Вскочил я пекарю на плечи, потом на крышу — и на трубу взобрался.

— Сейчас,— кричу,— выпущу!

Дёрнул бочонок — и швырнуло меня под облака! В ушах — грохот, в глазах — дым, а в руках — бочонок.

А подо мной ночь расползается, рассыпает торопливо звёзды. Схватился я за облако, спустился на нём, как на парашюте. И побежали мы с Ленушкой домой — сны ночные смотреть.

ИВАН ЗЫРЯНОВ

Как мужик своё счастье нашёл

Беден, беден жил человек, беден и нуждён. А кто посмотрит на него, всякий скажет:

— Счастье у тебя впереди есть.

И пошёл мужик счастье искать.

Идёт по дороге и вдруг видит: лежит сундук, красивенький, золотенький.

«Может, золото в сундуке, может, тут моё и счастье»,— подумал мужик.

Бился, бился около сундука, а открыть не может. И так и этак приступал — еле открыл. Заглянул в сундук, а там змей. Вылез из своей темницы, стал большущий да и говорит:

— Вот я тебя съем, я голодный.

— Ты что, я тебя освободил — ты меня же и съешь? Добра не помнишь?

— Должно голодному есть,— отвечает змей.

— Давай,— говорит мужик,— спросим троих, кто нам встретится, кто из них скажет правду.

Идёт навстречу лошадь. Рассказывает ей мужик о своём споре, а та и отвечает:

— Да, старое добро забывается.

Дальше встречается собака. Просит мужик сказать ему правду.

— Нет никакой правды,— говорит собака,— я много лет служила хозяину, стерегла его добро, а стала слабо видеть да плохо слышать — прогнали меня со двора.

Третьей попалась им лисица. Спрашивает у лисицы мужик, а она ничего не отвечает.

— Не верю,— говорит,— чтобы такой большой змей сидел в таком маленьком ящике. Не мог ты там поместиться, такой большой и толстый!

— Мог,— говорит змей,— я всяким могу быть, могу быть очень маленьким.

Уменьшился змей, заполз в ящик и свернулся в колечко.

— Ты что смотришь? — шепчет лисица мужику.— Закрывай скорее!

Закрыл мужик змея в ящике. Змей и взмолился:

— Выпусти меня на волю.

— Хватит, я тебя уже отпускал. Ты меня съешь.

— Пусти, пожалуйста, я тебя обогачу. Будешь богатым.

«Может, это моё и счастье-то»,— подумал мужик и снова выпустил змея.

— Не съем я тебя,— сказал змей.— Вот у меня под языком камешек. Ты достань его. Через него ты и получишь богатство.

Достал мужик тот камешек и завернул его в тряпичку.

— А что мне делать с ним?

— Я,— говорит змей,— пойду сейчас к царю и укушу ему ногу. Он день и ночь будет реветь. Не будет знать никакого покоя, умирать будет. И никто не сможет его вылечить. Ты явись к нему и этим камешком води вокруг раны. Ему станет легко. Тому, кто его вылечит, он будет обещать в жёны свою дочь, да ещё полцарства.

Приходит мужик к царскому дворцу.

— Куда прёшься? — гонит его стража.

— Я,— говорит,— искусный лекарь, царя лечить иду.

Докладывают царю, что пришёл какой-то оборванец-голодранец и обещает его вылечить. А царь-то уж умирает. Велел он сейчас же пустить мужика.

Водит мужик камешком тем вокруг раны — она и засыхать стала. Унялась боль, легко сделалось царю. Благодарит он мужика:

— Спасибо, я обещал отдать полцарства тому, кто вылечит меня, и свою дочь в жёны.

У царя — не у нас, всё готово, долго ли свадьбу сыграть.

— Эй, министр,— призывает царь.— Вымойте моего спасителя в бане, переоденьте. И будем играть свадьбу.

А у того министра был сын-жених. И хотелось министру женить его на царской дочери. Вызвал министр стражу и велел запереть мужика в тюрьму.

Сидит мужик в темнице, повесил голову, горюет и думает: «Не надо было выпускать змея из ящика. На свою бедную головушку пожалел я его».

И вот ночью, когда мужик вспомнил про змея, слышит он, что кто-то ползёт к нему. А змею что — он может в любую щель пройти.

— Ну, как живёшь?

— Да вот в тюрьме, как видишь, пропадаю, и всё через твоё счастье.

— Ладно. Не тужи. Не сумел ухватить счастье в тот раз — в другой не сплошай. Сейчас я приду к царю и укушу ему другую ногу. Требуй, что надо. Пришлют за тобой тройку лошадей — ты на неё не садись.

Исчез змей. Сидит мужик, ждёт: что-то будет?

Укусил змей в другую ногу царя. Занемог царь, день и ночь ревёт.

— Приведите,— молит царь,— приведите того, который меня лечил!

— В тюрьме,— говорят,— он сидит.

— За что в тюрьме?

Министр и отвечает:

— Да вот, отказался от вашего полцарства и царскую дочь не желает брать в жёны — за то и посадили и даже в бане не вымыли.

— Приведите его, приведите! — просит царь.

На тройке лошадей за мужиком пожаловали. Приходит к мужику в тюрьму сам министр, зовёт скорей в царский дворец. А мужик ему и говорит:

— Не привык я, ваше высочество, на тройках кататься. Хочу, чтобы ты положил на спину седло и сам вёз меня.

Нечего министру делать — стал на четвереньки перед лекарем. Взял мужик в руки нагайку да как начал пришпоривать министра — хлесть! да хлесть! — так и приехал перед царские окна.

А царь ждёт не дождётся. Смотрит в окно и спрашивает:

— За что же это мой зять министра главного так обижает?

— А вот за что,— говорит мужик,— в тюрьму меня посадил да теперь опять собирается.

Вылечил мужик царя.

Отдал царь приказ казнить министра. Вымыли мужика в бане, нарядили в царские одежды и спроворили свадьбу. Весёлая была свадьба. Царь-то пуще всех на ней отплясывал.

Как я горох сторожил

На месте нашей деревни стояло в ту пору только пять дворов. И было мне тогда лет двенадцать, ростиком я был маленький, а весу имел и того меньше.

Посеяли мы горох на дальнем поле. Хороший уродился горох. Однажды пошли мы проведать его, а от гороха почти ничего не осталось. Весь он примят и поеден.

Посылает меня отец караулить горох, узнать, кто же его зорит. А чтобы не страшно было, дал он мне дедову винтовку, такую же мал-малопулечку, как и сам я.

Прихожу я на горох и вижу: ходят по полю огромные длинноногие птицы. Стреляю — одна птица падает. Заряжаю ружьё, целюсь — вторая свалилась. Другие поднялись в небо и улетели.

Подхожу я поближе: журавли. Вот радость-то — двух птиц подстрелил! А что с ними делать, не знаю. Как их домой унести? В лузан не войдут — птицы большие.

Заталкиваю я их за пояс, волоку по земле, иду и вдруг слышу: ожили журавли, замахали за моей спиной крыльями. Замахали, вытянули шеи — и подняли меня над лесом. Полетели журавли, понесли меня всё дальше и дальше.

Достаю я ножик, разрезаю пояс — и падаю. Падаю и проваливаюсь в трухлявый широкий пень. Пытаюсь выбраться — и не могу: пень-то высок. Сижу я в дупле день, сижу другой и вдруг слышу: кто-то едет.

Подъехал мужик к дуплу и говорит:

— Вот это мне и надо. Хороший дымник из осинового дупла получится.

Значит, свалит мужик дуплистый пень, вытрясет из него труху, привезёт домой и сделает трубу, чтобы дым из избы выходил.

Взял мужик топор и начал подрубать пень. Поджал я ноги и не дышу. Обошёл мужик пень со всех сторон — закачалось дупло. Замахнулся мужик напоследок посильней, влетел топор в дупло — тут уж я не утерпел и закричал что было силы.

Испугался мужик, закрестился и убежал в лес. Я вылез из дупла, пошёл на свое гороховое поле, подобрал ружьё и отправился домой.

А дома меня уж потеряли. С ног все сбились — ищут. И в колокола звонили, и старосте говорили, и даже к земскому начальнику в город Чердынь гонца посылали. А я живёхонек-целёхонек.

Через несколько дней снова отправляет меня отец на дальнее поле. На поле всё спокойно. Иду обратно. Подхожу к дуплу. Оно уже свалено и привязано к волокушам: это две длинные оглобли. Лошадь в волокушах, а хозяина нету.

Жду-пожду — не идёт хозяин. Заморочало в лесу. Пошёл дождь. Забрался я в дупло, чтобы не вымокнуть. Лежу, долго ли, коротко ли, задремал и вдруг слышу: кто-то подходит к волокушам. Глядь — а это медведь. Медведь за лошадью пришёл. А она попятилась, вышла из хомута и убежала.

Ходит медведь, обнюхивает оглобли, я как рявкну — он рванул да и попал головой в хомут. Запрягся медведь, бежит по лесу. А я в дупле сижу, как в самолёте. Так и возил он меня по лесу, пока не приломал все оглобли.

Вот как я на медведе катался.

А кто не верит, может сходить в лес и посмотреть. То дупло и теперь на волокушах лежит. Да кому оно нужно? Трубы-то теперь у всех кирпичные.

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

Между небом и землёй

Намедни я захватил топор, бечёвку и побрёл в сосняк устраивать себе ночную спалку. В землянке спать надоело. Выбрал самую высокущую сосну на опушке и взобрался на неё. В развилье двух громадных сучьев и принялся вить себе ночное гнездо. Сучья крепко переплёл ветвями, перевязал бечёвкой, настлал травы и — спалка готова. Чудесно.

Было немножко странно очутиться на высокой зыбке между небом и землёй. Пронёсся сыроватый ночной ветерок, и приятно

закачало. Потом настала такая тишина, что казалось, будто всё кругом приготовилось кого-то внимательно слушать. Уж не меня ли?

Я смотрел на яркозвёздное небо, долго смотрел и улыбался одной звёздочке, что лучистее и больше была других подруг. Долго улыбался ей.

Словно мать, сосна заботливо покачивала меня на добрых руках, а тёмная ночь рассказывала колыбельную сказку:

— Ш-ш-ш... ш-ш-ш...

А я — хитрый — качался, слушал сказку и всё-таки не спал — всё смотрел на неё...

И вдруг с неба, откуда-то справа, упала яркая звезда. Я почему-то вздрогнул: стало жаль её, бедную... Немного погодя снова быстро скатилась с Млечного Пути другая звёздочка и как раз из того места, где сияла моя... Ах, нельзя же так!

А потом ещё блеснула одна. Что это такое? Я не выдержал и крикнул в небо:

— Эй, кто там бросается звёздами?

Эхо раскатилось гулко по лесу: «...а-ами». Крик как будто подействовал: больше никто не бросался звёздами, и я успокоился.

Словно мать, сосна заботливо покачивала меня на добрых руках.

ВАСИЛИЙ КЛИМОВ

Легостай

Жили-были дед да баба. Была у них курочка ряба. Несла им в год по яичку, но по яичку не золотому, а простому.

Это присказка, а сказка впереди.

Было у стариков три сына: двое — добрые работники, а третий, меньший,— лентяй из лентяев. Его так и звали — Легостай, что значит ленивец.

Добрые работники пни корчуют, а Легостай лежит себе на печи да тараканов на нитку нанизывает. Всё чёрного метит поймать. Поймает одного, спрашивает:

— Конём хочешь быть? Будешь служить мне?

Смолчит таракан — не бывать ему живу, попадает на нитку.

Ругается дед, ругается баба:

— И в кого дурачина такой уродился? Ни в мать, ни в отца. Все люди как люди, ты один — Легостай: не сеешь, не жнёшь, а кривого счастья ждёшь.

Сопит Легостай, не спорит, а всё по-своему делает.

Скоро ли, долго ли охотился Легостай — высунулся из запечка большой чёрный таракан. Усища — что рога у быка. Ухватился за них Легостай, а таракан раком пятится, тащит ленивца в свою нору. У таракана из глаз искры сыплются, того и гляди стена вспыхнет.

— Погоди,— говорит Легостай,— я тебе рога обломаю.

А усач всё назад, всё назад. Вот-вот сорвётся Легостай в запечную дыру, слопает его тогда чёрное страшилище. Упёрся Легостай ногами в стену, в три погибели согнулся. Не стерпело страшилище, взмолилось:

— Твоя взяла, Легостай: хил я ноне. Пощади меня, большой выкуп дам.

Смекнул ленивец, что поживиться можно, и говорит:

— Пусти меня в твоё поганое царство, да чтобы мне подчинялась вся твоя нечисть.

— Чего хочешь возьми, а этого не требуй. Осилил ты меня, а с моим царством не управишься.

— Так и быть,— говорит Легостай,— не пойду в твоё царство. Дай мне трёх вороных да избу новую поставь. И чтобы я каждый день сыт был.

— Приходи в полночь, как первый петух прокричит, на крутояр, что у Чёртова озера. Свистнешь трижды — и жди моего выкупа.

Отпустил Легостай чёрного таракана, сам спать завалился. Проснулся в полночь, слез с печи. Страшно одному идти, разбудил братьев, рассказал им про всё. Рассердились братья, надавали Легостаю тумаков, дурнем обозвали и опять спать легли.

Подождал Легостай немного и снова братьев трясёт, по коню за услугу обещает. Очухались братья, сказали:

— Ладно, пойдём. Но коли ты, дурень, соврал, шкуру с тебя спустим.

Шли, шли — к озеру пришли, на крутояр взобрались.

Свистнул Легостай — волки завыли. У братьев мурашки по спине забегали. Второй раз свистнул — только лес застонал. Третий раз свистнул — ветер поднялся, земля загудела. Появился перед ними мохнатый карлик, такой маленький — чёрный сморчок да и только. Спросил карлик:

— Что вам угодно, люди?

— Пришли за обещанным,— ответил ленивец.

— Так возьмите его: вот оно,— сказал карлик и показал в сторону.

Обернулись братья, видят: два коня к дереву золотыми цепями привязаны. Не кони, а чистое загляденье.

Бросились старшие братья к вороным, распутали цепи золотые да поводья шелковые, сели верхом и — умчались.

Озирается Легостай, своего коня смекает, да нет его. Остался один жеребёнок; ни дать ни взять — вислоухая собачонка.

Загрустил Легостай: обманули его братья. Да делать нечего. Хоть бы жеребёночка-то взять, ан и узды на нём нет.

Только подумал так, а карлик ему говорит:

— Не печалься, Легостай. Вот тебе уздечка. Да смотри, не доверяй её никому, при себе держи. А теперь поезжай, братьев догоняй.

Не успел сказать это карлик — жеребёнок скок под Легостая и понёс, понёс. Едва удержался на коньке Легостай, хорошо — успел ухватиться за гриву.

В один миг прилетел Легостай домой. Воронка под крыльцо спрятал, уздечку на сеновал бросил, а сам на печку забрался.

Тут вскоре и братья приехали. Звенят цепями золотыми, шуршат поводьями шелковыми. Поставили коней в ограде (конюшни-то не было), да и в избу. За Легостаеву душу молятся: спогинул-де брат-дурень, наверное, в том озере нечистом. А Легостай из-за трубы голос подаёт: жив, дескать, на печи он.

Спросили братья, как он раньше их вернулся домой.

Ничего не сказал Легостай про конька, а принялся братьев ругать, почему его в беде бросили.

Рассердились братья. Избили Легостая, выбросили за двери да ещё пригрозили, чтоб он о конях никому не сказывал.

Посмотрел Легостай под крыльцо, а там и духу конского нет. Вспомнил он про уздечку, взял её в руки. Откуда ни возьмись — вислоухий Воронок появился и голосом человеческим молвит:

— Что угодно, хозяин?

— Свези меня в вольную вольницу, где нет завистливых и жадных, где люди друг друга не обижают, сёстрами да братьями называют.

— Трудную задачу ты задал,— говорит Воронок.— Не знаю я, есть ли где вольная вольница. Но не печалься: отпусти меня на три дня и три ночи, я обо всём разузнаю. Только не трогай уздечки, не тревожь меня в это время.

Отпустил Легостай Воронка. Пришёл в избу, братьев упросил, чтоб его на печку пустили.

Проходит день, проходит другой. Лежит Легостай на печи, в потолок поплёвывает. Вот и третье утро наступило. Легостай ждёт не дождётся своего Воронка. Ночь пришла, вестей принесла. Слышит: кто-то из запечка ему говорит:

— Ступай во двор, Воронок появился.

Вышел ленивец во двор, взял уздечку. Конёк тут как тут. Говорит Легостаю:

— Трудную задачу ты задал. Весь я свет обошёл, но не встретил нигде вольной вольницы.

Приуныл Легостай: как жить дальше — не знает. А Воронок ему говорит:

— Есть на Сапкуне-горе птица вещая. Она всё знает. Но к ней никто не может попасть. Попроси царя-усача, чтоб он разрешение дал, и мы поедем.

Пошёл Легостай к запечной дыре. Кликнул чёрного царя. Явился к нему усач, спросил:

— Чего тебе, Легостай?

— Разреши мне слетать к вещей птице, узнать у неё о вольнице вольной.

— Так и быть, слетай. Но, чур, у меня больше ничего не просить.

Согласился Легостай. Выскочил скорее во двор — и за узду. Явился Воронок, и полетели они к вещей птице. Дорогой научил Воронок, что и как делать, чтобы живым остаться.

Летели, летели — остановились. Откуда ни возьмись появилась старуха, дряхлая-предряхлая. И ну расспрашивать Легостая про диво дивное. А тот помалкивает, лишь узлы на пояске своём вяжет. Как спросит старуха, так он узел и завяжет, как спросит, так и узел.

Выдохлась старуха. Легостай схватил её за волосы, отрезал длинную косу и спрятал за пазуху.

Летят дальше. Только реки да озёра внизу мелькают, а мимо звёзды со свистом проносятся.

Летели, летели — остановились. Навстречу старик одноглазый, дряхлый-предряхлый. Спрашивает про быль-небылицу, про вещую птицу, а Легостай помалкивает да узлы вяжет. Выдохся старик, Легостай полбороды ему отхватил и за пазуху спрятал.

Отдохнули Легостай с Воронком, дальше отправились. Летят, только моря да горы мелькают, а звёзды мимо со свистом проносятся.

Летели, летели — остановились. Опустились на гору высокую, на скалу висячую, где вещая птица живёт. Та скала из чистого золота, кругом дворцы хрустальные. Встречает Легостая красивая девица, спрашивает, как он добрался и чего видел. А Легостай в ответ:

— Сперва накорми, а потом спрашивай.

Накормила красная девица и опять за своё: как добрался? Чего видел? А Легостай тоже своё: как найти вольницу вольную?

Спрашивала, спрашивала девица — устала, два пера уронила. Легостай сразу наступил на одно, на белое, на гарусном пояске три узла сделал. Тут красная девица, вещая птица (а это была она), говорит:

— Нет такой вольницы вольной, о которой ты спрашиваешь. Ты сам сделай её. Возьми эти перья. Белое — воля и спасение, чёрное — неволя и смерть. Садись на коня, выбери землю, какая полюбится, и с белым пером в руке объезжай ту землю. Вот и будет тебе вольница вольная. Походом пойдут на тебя люди жадные и завистливые. Но ты не бойся, помни: от чёрного пера троны жадных и завистливых рушатся.

Поблагодарил Легостай вещую птицу, красную девицу, и скорёхонько домой полетел.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Летели, летели Легостай с Воронком — остановились, отдыхать стали. А старик одноглазый тут как тут. Ударился оземь, огромным быком обернулся. Разинул пасть — река горячая потекла. Течёт и течёт. Вот-вот всё затопит.

Легостай торопит Воронка, а тот не может лететь, вся сила у него вышла. Что тут делать? Вода уже к их ногам подступает, сам бык по колено в воде.

Вспомнил Легостай про старикову бороду, бросил её в реку. Вода вспять потекла, в бычью пасть. Тут и Воронок отдышался, снова в силу вошёл. Дальше они полетели.

Летели, летели — остановились. А старуха тут как тут. Стукнулась оземь, красной сорокой сделалась, в лес полетела. И вся округа огнём занялась.

— Летим быстрее,— торопит Легостай Воронка.

Но тот не может, из сил выбился. А огонь всё ближе и ближе...

Вспомнил Легостай про старушечью косу, выкинул её из-за пазухи. Смотрит: сорока из леса летит. Летит, стрекочет, а следом зелёный лес вырастает. Тут и Воронок отдышался, снова в силу вошёл. Дальше они полетели.

Скоро сказка сказывается, да не скоро складывается. Не три дня, не три недели промелькнуло, как ушёл Легостай из отцовского дома, а три года.

Вернулся домой Легостай, а прежнего дома нет. На том месте два терема стоят, у ворот стража. Разбогатели братья. Кони, видать, помогли вороные, которых у озера взяли.

Братья не признали Легостая, даже близко к теремам не допускают. Кое-как упросил их, чтоб на ночь под крышу пустили.

Рассказал Легостай братьям о вещей птице, о красной девице, о белом пере рассказал. А те и рады. Взяли да и отняли у Легостая перо, самого же взашей прогнали.

Рассердился Легостай. Вытащил из-за пазухи чёрное перо и разрушил оба терема. Схватили братья ленивца, в тюрьму посадили. А Легостай взмахнул чёрным пером — все двери сразу открылись. Пошли на Легостая солдаты, а он взмахнул чёрным пером — все солдаты замертво полегли.

Видят братья: дело плохо. Сами на Легостая набросились. Злые-презлые, от злости зубами скрипят. А он взмахнул чёрным пером — братья замертво повалились.

Выручил Легостай белое перо, сел на Воронка и поехал по горам, по долам, по лесам, по лугам. Сделал Легостай вольницу вольную. Землёй и лесом всех бедняков наделил.

Как заяц Епу-охотника проучил

Жил-был охотник Епа: среди людей толкался да всё старался разбогатеть. Так бедно с женой жили, что раз в неделю обедали, а об ужине и не вспоминали. Всей одежды — одна на двоих. Если Епа оденется, то Епиха на печке сидит. Если Епиха в люди выйдет, Епа дома сидит.

Всю жизнь Епа лес мерил, чащу крошил, лапти и одежду переводил. Удастся — куницу возьмёт или рябчика подстрелит, не удастся — зря ноги помнёт.

Взял однажды Епа ружьишко своё да и подался в осинник на зайцев. Весь день бродил, ногам покоя не давал, но

зря: и мышь не встретил. Не повезло, значит. А не повезёт, так и с харчами с голоду пропадёшь.

Только повернул лыжи обратно — на охотника заяц налетел, чуть лбами не стукнулись.

Вскинул Епа ружьишко, курок взвёл и уже на прицел зайца взял, а тот вдруг заговорил:

— Не спеши, Епа! Убить всегда успеешь, а доброго совета не всегда услышишь.

У Епы глаза на лоб: до старости дожил, а чтобы косые людей учили — сроду не слыхивал.

Длинноухий тем временем сел на пенёк, нога на ногу, и опять говорит:

— Когда убьёшь меня, сделай так. Сними осторожненько шкуру, высуши её и купцу продай. На вырученные деньги козлёнка купи. Вырастет — двух козлят принесёт.

Слушает Епа, рот раскрыл и уши развесил, а ружьишко дулом в снег воткнул. «Вот где, — думает, — счастье-то привалило: и молочко будет, и деньжат заработаю».

А косой, будто у тёщи в гостях, сидит спокойно и продолжает:

— Купишь поросёнка, свинью вырастишь, свинья опоросится, продай поросят купцу — купи тёлку. Вырастет тёлочка — коровой станет, бычка тебе принесёт. Откормишь бычка и на лошадку променяешь...

Вскружилась Епина голова от такого богатства, не до зайца стало. Совсем наяву видит Епа, как он на сивом в яблоках рысаке гарцует! На пригорке собственный двухэтажный дом стоит. Заходит Епа в горницу, жена тёплую хмельную брагу подаёт, на стол тарелку с мясным супом ставит, режет большую пшеничную ковригу. Привёз Епа дорогие подарки своей жене — кумачовую кофту и сарафан из синего кашемира...

— Ладно, — сказал Епа, — пристрелю зайчишку.

Глядь, а перед ним только пенёк торчит, на котором длинноухий сидел. Ускакал заяц и всё Епино богатство с собой унёс.

Ёма и Чача

Корова мычит — сена требует; голубка воркует — гнезда просит; ворота скрипят — смазки ждут; ребёнок плачет — утешения хочет.

Корове сена не дадим, гнезда голубке не сделаем, ворота не смажем, а лучше — ребёнка малого утешим.

Это не сказка, а только побаска.

Жили-были дед да баба. Была у них курочка ряба, а ещё внучка Чача. Хорошо они жили, горя не знали. Дед всегда лесовал да рыбу ловил, баба всю зиму пряжу пряла, а летом

холсты да одежду шила. Внучка Чача у бабы да деда на посылках была.

Вот и опять лето пришло. Баба кросна поставила, основу натянула, а бёрда нет. Его унесла Ёма, болотная хозяйка, ещё осенью и до сих пор не принесла обратно.

— Чача, внучка моя,— просит баба,— сбегай-ка к Ёме, возьми у неё бёрдо наше. Да только не заходи к ней в избу, а проси через окошко. Если зайдёшь, то не выпустит тебя Ёма.

— Ладно,— говорит внучка.

На другой день встала Чача пораньше, умылась почище и пустилась в путь. Шла-шла, через холмы перешла, к болоту пришла. У болота стоит избушка с белым окошечком, а под окошечком на лавочке старушка сидит да дремлет.

Смотрит Чача, а это не Ёма — другая старуха.

— Бабушка, скажи, как мне Ёму найти,— говорит девочка.

Проснулась старуха, посмотрела на девочку с длинной русой косой и отвечает:

— Где болотная хозяйка живёт, могу сказать. Но зачем ты к ней идёшь? Она ведь съест тебя.

— Может и не съест. А иду я к ней по делу: она наше бёрдо ненадолго брала, да так и не вернула.

— Ладно уж, покажу я тебе дорогу к ней. Только вернись домой и сперва возьми с собой щеть, глиняный пузырёк с водой, брусок, ленточку, масло, кусок мяса и челпан хлеба.

— Ой-ёй-ёй! Куда столько-то и зачем?— удивилась девочка.

— Бери, что велю, всё пригодится. А придёшь к Ёме — сама соображай, кому какой гостинец аль подарочек дать. Если пошлёт тебя куда-нибудь Ёма, ты сперва ко мне зайди, скажись, за каким делом послали.

— Спасибо, бабушка,— поблагодарила старушку Чача и направилась домой.

Рано утром, на зорюшке, Чача сложила в пестерь щеть, пузырёк с водой, брусок, ленточку, масло, мясо, хлеб и пошла к Ёме. Шла она, шла и увидела утлую избушку без окон, с маленькой дверью под самой крышей. Вот те на: окон нет, придётся в дверь стучать.

Стала девочка подходить к избушке, а дорогу ей осина преградила: до земли наклонилась и давай ветками махать, давай махать! Никак к дверям не даёт подойти.

Догадалась Чача: это Ёмина караульная, потому и шубуршит ветвями, проходу не даёт. Догадалась она, вытащила из пестеря алую ленточку и привязала к ветке осины. Та выпрямилась и перестала ветками махать: довольна, видать, подарочком.

Подошла Чача к двери, позвала Ёму — никто не ответил. Второй раз окликнула хозяйку — молчок. Тогда она стала открывать дверь, но та чуть-чуть приоткроется — и обратно захлопывается со страшным скрипом.

— Ах, бедненькая! — пожалела Чача и скрипучую дверь.— Давно тебя не смазывали.— И положила под пятку двери кусочек масла, растопила его своим дыханием. Дверь сама открылась настежь.

— Ёма-кулёма, выйди из горницы, встречай гостью! — позвала Чача.

Из горницы никто не вышел.

— Ёма-кулёма, выйди из горницы, встречай гостью! — во весь голос закричала девочка, но хозяйка всё равно не вышла, даже голосу не подала.

Тогда Чача переступила порог, но на неё стал наскакивать веник-голичок. Так и скачет, так и скачет, чуть в глаза прутьями не тычет.

— Не прыгай, глупёнышек, не трать на пустое дело силушку свою. Дай я поглажу тебя да под лавочку положу,— проворковала девочка и положила веник в уголочек под лавочку. Только сделала это, ворон перед нею крылья распустил и давай прыгать да злобно кричать, того и гляди темя будет долбить.

Вытащила Чача из пестеря челпан хлеба и сунула его ворону. Тот схватил хлеб и забился в тёмный угол.

«Ну, теперь всё,— подумала девочка, подходя к проходу в горницу.— Больше, наверное, никто не остановит».

Но не тут-то было! Выскочил откуда-то чёрный кот с белой бородою и с огненными глазами, да Чача мясца ему подбросила, и кот, довольный гостинцем, ушёл в свой угол.

Из горницы вышла сама болотная хозяйка, с чёрным лицом и с зелёными волосами.

— Зачем пришла?— проскрипела Ёма и лязгнула зубами.

Не растерялась девочка, Ёме прямо в жёлтые глаза посмотрела и сказала:

— Бабушка ткать собралась, а ты бёрдо наше не вернула. Вот она и послала меня за ним.

— Занято ваше бёрдо. Я сейчас буду ткать, а ты о ту пору сходи на ближнюю лесную полянку да накорми моих кур.

— А чем их накормить?

— Становись посредине поляны и скажи: «Куть-куть, ешьте что помягче да послаще».

Побежала Чача на ближнюю поляну и хотела уж Ёминых кур позвать, да вспомнила добрую старушку, что живёт у болота. Вспомнила и завернула к ней.

Старушка на лавочке под окошком сидит и сладко дремлет.

— Бабушка, меня Ёма послала кур кормить.

Проснулась старушка, узнала Чачу, обрадовалась ей. Да и как не радоваться: всю жизнь одна, не с кем перемолвиться, а тут живой человек.

— Хорошо ты сделала, внученька, что ко мне зашла,— сказала старуха.— Не кур ты будешь кормить, а стадо злющих коршунов. Если ты сделаешь так, как велела Ёма, то коршуны заклюют тебя. А ты вот как сделай. Придёшь на поляну, найди толстую ель с дуплом и залезай в дупло да поленом закройся. Как закроешься, тогда можно и Ёминых кур позвать.

Так и поступила девочка. Прибежала на поляну, нашла толстенную ель с дуплом, залезла внутрь, закрылась поленом так, что только маленькая щель осталась, и крикнула:

— Куть-куть, ешьте что помягче да послаще!

Откуда ни возьмись прилетела стая коршунов, закаркала, закружилась над поляной, но никакого корма не нашла. Тогда один коршун клюнул другого, потом второй, третий — и от того коршуна одни перья остались. Говорят, что ворон ворону глаз не выклюет, а эти хищники друг друга едят.

Наелись, видно, коршуны и коршунята, улетели куда-то. Чача выбралась из дупла, собрала коршуновы перья и, в доказательство, что Ёминых «кур» накормила, принесла болотной хозяйке.

— Наелись, Ёма, твои куры и улетели куда-то,— сказала девочка.— Давай теперь бёрдо.

— Ишь какая прыткая! Сразу видно: из молодых, да ранняя. Не успела я ещё выткать холстину, не освободилось бёрдо. Сходи лучше на среднюю поляну и остриги моих овец. О ту пору, глядишь, и освободится бёрдо.

— А чем ты их привязываешь, когда стрижёшь?

— Ничем не привязываю, они у меня смиренные. Ты выйди на середину и скажи: «Баль-баль, выходите ко мне, я остригу вас». Они выйдут, а ты и стриги по порядочку. Поняла аль нет?

— Поняла, поняла,— сказала девочка и поспешила уйти на поляну.

Пришла она на среднюю поляну и только хотела овечек собрать, да вспомнила старухин совет и побежала к ней, к доброй старухе, что у болота живёт и всё на свете, видать, знает.

Старушка опять на лавочке сидит, на солнышке греется.

— Бабушка, меня Ёма послала овечек остричь.

— Это не овцы, а лютые голодные волки, и стричь их не надо,— сказала добрая старушка.

— Ёма тогда бёрдо не отдаст.

— А ты вот как сделай. Придёшь на полянку и залезай на самую высокую ель, на верхушку, и крикни оттуда: «Баль-баль, выходите сюда, остригите сами себя».

Чача спасибо сказала старухе за её науку и поспешила на среднюю лесную полянку. Пришла, разыскала самую высокую ель, взобралась на её верхушку и сказала:

— Баль-баль, выходите сюда, остригите сами себя!

Из леса тёмного, из леса частого выскочила стая волков и давай рычать, давай друг друга зубами да когтями драть — только шерсть летит!

Почесали как следует свои бока и снова скрылись в лесной чаще. А девочка слезла с ели, набрала целую вязанку шерсти и принесла её Ёме.

— Хорошие у тебя овцы, Ёма, шерстистые,— сказала девочка.— Вон сколько настригла. Давай теперь бёрдо, мне домой пора.

— Не освободилось ещё,— отвечает Ёма.— Я буду сейчас ткать, а ты сходи о ту пору на дальнюю полянку и подои моих коровушек. Как подоишь, сразу бёрдо получишь.

— А как ты их доишь?

— Придёшь на полянку, становись посредине и скажи громко: «Тпрути-тпрути, сбегайтесь ко мне, я вас подою!» Сбегутся мои коровушки, а ты по порядочку и начни доить. Поняла?

— Поняла, всё поняла,— сказала Чача и побежала на дальнюю поляну. Прибежала, только рот раскрыла, чтобы собрать Ёминых коров, но вспомнила тут совет доброй старушки и поспешила к ней.

Нашла она ту добрую старушку на прежнем месте — под окошечком — и сказала:

— Бабушка, я иду Ёминых коров доить. Что мне посоветуешь?

Добрая старушка ответила:

— Ёмины коровы — это свирепые таёжные медведицы, и доить их тебе не надо.

— Тогда Ёма бёрдо не отдаст,— говорит Чача.

— А ты вот как сделай. Придёшь на ту поляну, полезай на самую высокую ель и крикни: «Тпрути-тпрути, сбегайтесь сюда, подоите сами себя!» Они и подоят друг друга.

— Спасибо, бабушка, за совет,— сказала Чача и побежала на поляну. Нашла самую высокую ель, залезла на неё и крикнула оттуда:

— Тпрути-тпрути, сбегайтесь сюда, подоите сами себя!

Вышли из леса частого, из леса тёмного лохматые медведицы и подоили сами себя. Слили молоко в корчагу и разбежались в разные стороны.

Слезла Чача с дерева, набрала в туесок молока да побежала к Ёме добывать бёрдо.

— Славные коровы у тебя, Ёма, молочные и не норовистые. Подоила я всех. Теперь давай наше бёрдо, а то бабушка, знать, уж ругает меня.

— Очень скоро ты вернулась,— говорит Ёма,— я не успела доткать. Садись за кросна и кончай тканьё, а я сготовлю для тебя гостинцы.

Чача стала ткать, а Ёма ушла в подпол. Только там она не гостинцы готовит, а зубы свои точит, чтобы девочкой полакомиться. Точила, точила, спросила Чачу:

— Скоро ли доткёшь?

— Не скоро ещё,— говорит девочка.

— Будешь кончать — мне скажешь.

Ёма зубы точит — скрежет в подполье стоит; Чача холст ткёт — стукоток в избушке стоит. Ёма спешит, и Чача спешит, да видит, что раньше Ёмы ей не справиться.

Взяла девочка ножницы, обрезала основу, вытащила бёрдо и кота попросила за себя отвечать.

— Спросит твоя хозяйка: «Скоро ли доткёшь?» — ты моим голосом отвечай: не скоро, мол ещё.

Договорилась с котом, схватила пестерь и бёрдо, пустилась бежать. Только вышла девочка за порог, а Ёма и спрашивает из подпола:

— Скоро ли доткёшь?

Кот ей отвечает Чачиным голосом:

— Не скоро ещё.

Успокоилась Ёма, что девочка всё ещё за кроснами, снова принялась за зубы. Точила, точила, опять спрашивает:

— Скоро ли доткёшь?

А кот ей:

— Как кончу, так и скажу тебе.

Ещё немного поточила свои зубы Ёма, наконец наточила и с острыми зубами вышла из подпола. Вышла, смотрит: девочки нет, и бёрда нет.

— Кто выпустил девочку из этого дома?

Никто Ёме не ответил, все молчат. Тогда она стала ругать чёрного бородатого кота:

— Ты почему выпустил девочку? Ты почему меня обманул?

Кот отвечает:

— Сто лет тебе служу, а ты мне и крошку хлеба не бросила. Только ругань да пинки и знаю от тебя. Девочка же один день у нас была, да мясом меня угостила. Вот я и отпустил её домой.

Замахнулась на кота Ёма и стала пробирать ворона:

— А ты чего смотрел? Аль ослеп совсем?

Отвечает ей ворон:

— Сто лет тебе служу, а досыта ни разу не ел. Девочка раз побыла, да челпан хлеба не пожалела.

— А ты где был, несчастный? — напустилась Ёма на веник.— Аль забыл, зачем ты поставлен да что делать должен?

К стр. 86

Веник говорит:

— Сто лет у тебя убираю и твоё добро караулю, а слова ласкового не слышал. Девочка, как пришла, сразу погладила меня да под лавку положила.

Напустилась Ёма на дверь, стала бранить да колотить её:

— Почему ты, бестолковица, выпустила девочку? Али захотела, чтоб я тебе хребет сломала?

— Век свой тебе прислуживаю, сама открываюсь и закрываюсь, а ты и глинку не положила под мою пятку. Девочка маслом смазала, вот я и выпустила её.

— Может, ты, осина, задержала девочку с бёрдом? — вышла Ёма из избушки и спросила у осины.

— Нет, я никого нынче не задерживала. Состарилась я на твоей службе, а светлого дня не видела, хозяйской ласки не знала. Девочка один раз была, а подарила мне новую ленту.

— У-ух, непутёвые! Задам я вам после этого жару-пару! — пригрозила Ёма своим прислужникам и хватила палкой по крыше. С крыши спустилась большая хворостина, Ёма села на неё верхом и вихрем помчалась по-над болотом.

А Чача давно из болота выбралась и бежит лугами. Вдруг она почуяла за собой жаркое дыхание и догадалась, что это за ней погоня. Вытащила она из пестеря щеть и сказала:

— Пусть вырастет из этой щети частый-пречастый, высокий-превысокий лес!

Бросила позади щеть, и между нею и Ёмой вырос густой да высокий лес — ни зверю пройти, ни птице пролететь.

Приехала Ёма на своей хворостине, сунулась туда-сюда — нельзя проехать. Сдала назад, взлетела ввысь, но лес был слишком высок.

Ещё больше рассердилась болотная хозяйка. Ударила своей палкой хворостину и ускакала домой. Дома схватила большой топор и обратно поехала к высокому лесу.

Рубит Ёма налево и направо, валятся толстенные деревья, а щепки в болото летят. Рубила, рубила — просеку вырубила. Спрятала было топор в кустах, но сорока углядела и застрекотала на весь лес:

— Ёма топор спрятала, а я видела. Я видела — всем расскажу, всем расскажу... Китш-китш-китш!

Обругала сороку Ёма, достала топор из кустов, увезла его домой и опять пустилась в погоню. Летит хворостина во всю силу, а Ёма её ещё палкой подгоняет. Ветер треплет её зелёные волосы, бросает, словно пёрышко, из стороны в сторону, а она всё летит и летит.

Видит девочка, что Ёма её нагоняет, вытащила из пестеря брусок и кинула позади себя.

— Пусть из этого бруска вырастут большие-пребольшие горы,— сказала девочка, и выросли между нею и Ёмой высокие-превысокие горы: ни зверю пройти, ни птице перелететь.

Налетела Ёма на каменный утёс, со всею силой ударила палкой о камень — гул прошёл по горам, но ни один камешек не откололся от утёса.

Направила Ёма свою хворостину ввысь, чтобы перескочить горы, но хворостина и до половины гор не поднялась.

Улетела рассерженная Ёма домой. От злости по-волчьи воет, шерсть на себе рвёт. Вернулась домой, взяла балду и полетела рушить горы той балдой. Ломает она скалы, ворочает огромные камни и бросает их подальше от этого места. Ломала, ломала — проход в горах сделала. Стала балду прятать, а сорока тут и застрекотала:

— Китш-китш-китш! Ёма балду прячет, Ёма балду прячет! Всем расскажу, всем расскажу!

Метнула Ёма своей палкой в сороку и помчалась домой, чтобы балду в укромное место положить.

Далеко ушла Чача за это время, да не дошла до дому. И совсем близко её дом, уже с пригорка видать, но Ёма на пятки наступает.

Вытащила девочка из пестеря глиняный пузырёк с водой и сказала:

— Пусть из этого пузырька будет глиняное месиво!

Бросила Чача глиняный пузырёк позади себя да угодила прямёхонько в Ёмин длинный нос. Отскочил пузырёк от Ёминого носа, упал, и разлилось глиняное липкое месиво. Ёмины ноги по колено завязли в глиняной жиже, а девочка сделала ещё несколько шагов, тут и её ноги сковало глиной.

Бьётся болотная хозяйка, хочет освободиться, да ничего не выходит: вытащит левую ногу — правая завязнет; вытащит правую ногу — левая завязнет. А солнце сильней припекает, а глина всё тверже становится. Стала она руками глину разгребать — руки завязли. Стала носом ковырять, да и нос в глине увяз.

Увидела сорока, как Чача в глине застряла, полетела прямо к её дому, постучала в окошко и заверещала:

— Ваша внучка погибает! Ваша внучка погибает! Спасайте, спасайте, спасайте!

Выбежал на улицу дед с рогатиной, выбежала баба с кочергой:

— Где наша внучка? Где наша Чача?

Привела сорока стариков туда, где глиняное месиво разлилось. Дед да баба свою внучку из глины откопали и домой повели. А вечером званый ужин устроили. И были на том ужине и добрая старушка, что живёт у самого гнилого болота, и сорока, которая помогла Чачу спасти. Гости пели и плясали.

А Ёму дед с бабой в глине оставили. И поныне, наверное, там она.

И пусть, не будет маленьких обижать!

Оша-Миша и его стряпухи

В давние-давние времена жили-были муж и жена. И были у них три дочери, одна красивее другой. И все они такие рукодельницы были, каких уж теперь и сыскать трудно.

Мужик день-деньской лес рубил да пни корчевал под пашню, а жена с дочерьми домашние дела справляла.

Как-то собрался мужик в лес, а на обед ему нечего взять: хлебы ещё не испеклись.

Мужику некогда ждать, он и говорит:

— Испекутся хлебы — пришлёшь мне с дочкой.

— А где искать-то тебя? — спрашивает жена.— Кругом ведь одни леса.

— Еловые ветки после себя побросаю,— говорит мужик.— По ним она меня и найдёт.

Разговаривают муж с женой в избе, а под окошком Оша-Миша, медведь, стоит да подслушивает.

Пошёл мужик на своё сечище, еловые ветки побросал следом — дочери дорогу указал.

Оша-Миша все эти ветки собрал да по одной к своему дому побросал.

Хозяйка испекла хлебы и нарядила с обедом старшую дочь.

— Всё по еловым веточкам иди да иди, и к отцу придёшь. На обратном пути веничков наломай — с пустыми руками не возвращайся.

Вышла старшая сестра на околицу, видит: еловая веточка на земле ва́ляется. Прошла вперёд — другая лежит. Так и пошла всё дальше и дальше, да на медвежий дом и нашла. А Оша-Миша давно её ждёт-ожидает. Ухмыляется хитро, что так хорошо получилось. Словно в сказке.

— Теперь будешь жить у меня,— говорит медведь.— Будешь моей нянькой и стряпухой.

Заставил Оша-Миша девочку стряпать, а сам стал качалку строить.

Стряпуха на стол шаньги да пироги подала, а медведь свою качалку в спальню поставил.

Вот наелся Оша-Миша, живот погладил и в качалку улёгся — не грешно и поспать после праведных трудов.

Качает нянька медведя и напевает:

Оша-Миша, баю-бай.
Спи, усни, кривая лапа,
Спи, усни, короткий хвост.
Баю-баю, баю-бай.
Три сестрицы вместе жили —
Злые люди разлучили.
Дома мама меня ждёт,
Ждёт и горьки слёзы льёт.

— Твоя песня нехорошая,— говорит медведь.— Вот как надо петь:

Оша-Миша, баю-бай.
Спи, усни, красива лапа,
Спи, усни, курчавый хвост.
Баю-баю, баю-бай.

Пропела так девочка разок, и медведь уснул. Оставила

она спящего дома, сама на крышу забралась и высматривает отцовский дом, но ни в какой стороне его не видно.

Мужик до вечера прождал старшую дочь с обедом, да так и вернулся домой. Жена рассказала, как было дело, и тут они решили, что девочку увёл медведь,— больше некому. Да что с ним сделаешь?

Погоревали, погоревали и спать легли.

Наутро жена опять не успела хлебы испечь. А мужику некогда ждать — работа торопит. Вот он и говорит жене:

— Испекутся хлебы — пришлёшь мне с дочкой. Я по дороге пихтовые лапки поставляю, по ним она и найдёт меня.

Оша-Миша под окошком стоит, слушает и посмеивается.

Ушёл мужик на своё сечище, побросал по дороге пихтовые лапки.

Медведь все пихтовые лапки собрал и по пути от деревни к своему дому побросал.

Наряжает мать свою среднюю дочь к отцу, напутствует:

— Всё по пихтовым лапочкам иди да иди, к отцу и придёшь. На обратном пути грибов набери, с пустыми руками домой не ходи.

Средняя сестра пошла от лапки к лапке, от лапки к лапке — прямёхонько к медведю и вышла.

Оша-Миша повёл её к себе и сказал:

— Теперь будешь жить у меня. Будешь моей нянькой и стряпухой.

Ушёл медведь по своим медвежьим делам, а стряпухам приказал сытный да вкусный обед приготовить.

Настряпали две сестры пироги да шанежки, всякие сладости напекли, всякие варенья да соленья приготовили.

Вернулся Оша-Миша домой, поел плотнёхонько, живот погладил и завалился спать. Качают его две сестрицы и напевают:

Оша-Миша, баю-бай.
Спи, усни, кривая лапа,
Спи, усни, короткий хвост.
Баю-баю, баю-бай.
Три сестрицы вместе жили —
Злые люди разлучили.
Дома маменька нас ждёт,
Ждёт и горьки слёзы льёт.

— Ваша песня нехорошая,— говорит Оша-Миша.— Вот как надо петь:

Оша-Миша, баю-бай.
Спи, усни, красива лапа,
Спи, усни, курчавый хвост.
Баю-баю, баю-бай.

Спели так сёстры, и медведь захрапел. А девочки вышли из дому, забрались на крышу и давай отцовский дом высматривать, да нигде не видать его.

Вечером мужик вернулся домой, а средней дочери дома нет. Так и решили: медведь к себе увёл.

Погоревали, погоревали да и спать легли.

На третье утро хозяйка опять проспала. Вот же засоня! Мужику пора на работу собираться, а жена только печь растапливает. Где уж тут дождаться, когда хлебы испекутся? Наказал жене младшую дочь с хлебом к нему отправить. А чтобы та не заблудилась, он ветки берёзовые по пути покидает.

Оша-Миша и на этот раз подслушал весь разговор. И младшая сестра тоже к медведю пришла.

Встретил третью сестру Оша-Миша, сказал ей:

— Теперь будешь жить у меня. Будешь моей нянькой и стряпухой.

Приказал медведь стряпухам сготовить вкусный и сытный обед, а сам ушёл свои медвежьи дела справлять, свои владения дозорить.

Напекли стряпухи пироги да шанежки, всякие сладости сготовили, всякие варенья да соленья приготовили, медовую бражку нацедили.

Вернулся медведь домой, всякой всячины поел и бражки медовой вдоволь попил — чего ещё? Полез Оша-Миша в свою качалку и сладко-сладко задремал.

Сёстры подле сидят, качают медведя и напевают:

Оша-Миша, баю-бай.
Спи, усни, кривая лапа,
Спи, усни, короткий хвост.
Баю-баю, баю-бай.
Три сестрицы с мамой жили —
Злые люди разлучили.

Дома маменька нас ждёт,
Ждёт и горьки слёзы льёт.

— Ваша песня нехорошая,— говорит Оша-Миша.— Вот как надо петь:

Оша-Миша, баю-бай.
Спи, усни, красива лапа,
Спи, усни, курчавый хвост.
Баю-баю, баю-бай.

Усыпили сёстры медведя, вышли во двор, на крышу поднялись. Смотрели, смотрели — свой дом искали, да так его и не увидали.

Долго на этот раз сёстры на крыше были — медведь выспаться успел. Выспался, вышел во двор и спрашивает трёх сестёр:

— Вы зачем туда полезли?

Молчат старшие — испугались. А младшая и говорит:

— Мы братьям своим весточку послали. На тебя, Оша-Миша, жаловались.

— С кем же послали вы весточку?

— С ветром синим.

Смекнул медведь, что нехорошо он с сёстрами поступил, их братья отомстить ему могут.

Вот и говорит он:

— Ложитесь сегодня спать пораньше, а завтра до свету вставайте, гостинцы да подарки от меня своим братьям готовьте. Пойду мириться с ними.

Оша-Миша был не из тех, кто любит говорить попусту. Встал утром пораньше, смотрит: стряпухи выполнили его задание. И сказал он:

— Сложите самые вкусные ваши гостинцы, самые лучшие подарки в мой пестерь. Я поем и отправлюсь в деревню.

Думали-подумали сёстры и посадили в пестерь старшую сестру, а сверху гостинцев наложили.

Взвалил Оша-Миша пестерь на свои плечи и пошел в деревню. Шёл, шёл, откуда ни возьмись — собаки. Как увидели медведя, так и набросились на него, и ну кусать, ну его шкуру рвать!

Бросил медведь свой пестерь и скорей домой побежал. Прибежал домой, младшая сестра и спрашивает:

— Ну, что, Оша-Миша, помирились наши братья с тобой?
Медведь им в ответ:

— Очень злы на меня ваши братья. Видимо, мало гостинцев я им принёс. Завтра заполните большой пестерь, я ещё к ним пойду.

Ночь прошла, утро наступило. Младшая сестра посадила в пестерь среднюю, а сверху положила всякую всячину.

Наелся медведь, взвалил большой пестерь на плечи и пошёл. Только в деревню вошёл, а собаки тут как тут, да такие злые, что попадись им — на части разорвут. Испугался медведь, скинул пестерь и пустился наутёк.

Прибежал домой, говорит:

— Опять не приняли. Видно, ещё больше гостинцев просят. Заложите завтра самый большой пестерь.

От испуга да собачьих укусов медведь и не заметил, сколько стряпух да нянек у него осталось.

Наутро младшая сестра поднялась с первым светом, гостинцы напекла, стол для завтрака накрыла. Потом взяла да ступу в своё платье нарядила. Ступу поставила под окошко, чтобы медведь видеть мог, а сама запряталась в пестерь и закрылась гостинцами да подарками.

Проснулся Оша-Миша, поел наскоро, схватил свой большой пестерь и отправился мириться. Пришёл он в деревню, а его встретила целая свора собак.

Испугался медведь и пестерь забыл сбросить, чтоб легче бежалось. А свора готова рвать и метать.

Сидит, пригорюнившись, девочка в пестере и не знает, как тут быть: смолчать — медведушко обратно в лес унесёт; сказать что-то — тоже несдобровать, узнает он голос своей стряпухи. Думала, думала, да и говорит грубым голосом:

— Бросай, глупыш, пестерь, тогда братья угомонятся!

Сбросил Оша-Миша пестерь и скрылся в лесу. А девочка вылезла, кликнула собак и каждой дала по шанежке.

ЛЕВ КУЗЬМИН

Звездочёт

В своём домишке древнем,
С трубою набочок,
Жил в сказочное время
Весёлый звездочёт.

И был он, между прочим,
Не очень-то богат:
Носил зимой и летом
Единственный халат.

Но дело не в богатстве...
Не тем он дорожил!
В одном прекрасном
царстве,
В старинном государстве
Он звёзды сторожил.

Лишь звёздочка случайно
Сорвётся с неба в пруд,
Весёлый караульщик
Немедля тут как тут!

Он звёздочку достанет
Коротеньким сачком,
Он звёздочку почистит
Дырявым колпачком.

Подкинет вверх
и скажет:
— Лети!
Свети смелей!
Чем больше звёзд на небе,
Тем на земле светлей!

И год за годом славно
Трудился звездочёт,
Но вот однажды ночью
К нему явился чёрт.

Явился
И расселся
На лавке у окна,
И тоненько хихикнул:
— Есть дело, старина!

Я тоже звездочётом
Желаю в пекле стать.
Мне звёзд, хоть штучек
сорок,
Не сможешь ли продать?

Продашь — разбогатеешь!
Ты звёзды не жалей,
Чем на земле темнее,
Тем лучше для чертей.

И звездочёт промолвил:
— Ну, что ж, ответ мой
прост!
Плати волшебный грошик —
Получишь сорок звёзд.

Они вот здесь, в печурке,
Их ровно двадцать пар.
Выкладывай монету —
И забирай товар.

Но дай мне обещанье,
Что если крикнешь: «Ой!» —
Я грош возьму,
Но будет
Товар уже не твой!

Чёрт крикнул:
— Я согласен!
Подпрыгнул чёрт:
— Давай,
Чугунную заслонку
Скорее открывай!

И сунулся к печурке,
Дугою выгнув хвост,
А та́м, в печурке, угли
Пылали вместо звёзд.

Чёрт угли цапнул сдуру!
Заверещал: — Ой-ой!
И в тот же миг услышал:
— Товар уже не твой!

И топнул чёрт с досады,
И дверью хлопнул чёрт!
И в кошелёк монетку
Припрятал звездочёт.

Но только не считайте,
Что он богатым стал,
Что он халат атласный
Портному заказал.

Нет, нет!
На этот грошик,
Волшебный, непростой,
Купил он в магазине
Бумаги золотой.

И новых звёзд наделал
Из той бумаги сам,
И ловко их приклеил
К высоким небесам.

Он был, как прежде, верен
Пословице своей:
— Чем больше звёзд
на небе,
Тем на земле светлей!

Зябкий человечек

Жил да был в краю одном
Зябкий человечек.

Он построил новый дом,
В доме двадцать печек.

Печь была на чердаке,
Печь была в прихожей,
И в собачьем уголке,
И в кошачьем тоже.

И в подвале, и в сенях,
Даже на крылечке,

Злой метелице на страх
Возвышались печки.

В топках уголь полыхал,
Дров пылали груды!
А хозяин всё вздыхал:
— Ох, боюсь простуды...

Сшил он чепчик меховой,
В шубу нарядился,
Но из дома лишь весной
Выглянуть решился.

Он сказал:
— Мне пять минут
Погулять не лишне.
Здравствуй, солнышко! —
И тут
Встал в саду под вишней.

А на вишне всё бело!
А в цветущих ветках
Разыгрался ветерок,
Он швырнул один цветок
В человечка метко.

И бедняга вдруг решил:
— Это снег валится!
Ох, зачем я поспешил
С печкой разлучиться?

Как теперь найду свой дом
По такой метели?
И со страху начал он
Мёрзнуть в самом деле.

Заблудившись, он дрожал
Около крылечка,—
Ладно, дворник прибежал,
Поднял человечка!

Ладно, крошку в тот же час
На печи горячей
Уложил он под матрац,
А не то бы наш рассказ
Кончился иначе!

Башмаки-простаки

Два простака,
Два башмака
В осенний день издалека
Шли по глубоким лужам.
Один шагал без каблука,
Второй был худ и без
шнурка...
И, кажется, простужен...

Один башмак
Вздохнул с трудом:
— Сейчас бы нам увидеть
дом
С затопленною печкой,

Тогда бы там нашлись
для нас
В кастрюлях каша,
В кружках квас...
Другой сказал:
— Конечно!

Один промолвил:
— А за кров
Хозяйке мы наколем дров!
Поленниц пять примерно.
У нас же есть с тобою
честь:
Не станем даром пить
и есть!
Второй ответил:
— Верно!

И вот пред ними встал
дворец.
Воскликнул первый:
— Наконец,
Нам повезло на свете!
Кругом собаки, правда... Но
Давай стучаться всё равно!
— Давай! —
Второй ответил.

А во дворце жил Фон-Барон.
Разбужен ранним стуком, он
Кричит слуге с постели:
— Эй, кто устроил тарарам?
Что за нахалы нынче к нам
Ломиться в дверь посмели?

Слуга на барский зов
бежит,
От смеха даже весь дрожит
И приседает даже:
— Два чудака,
Два башмака
Пришли сюда издалека
И очень просят... каши!

— Что! Башмаки под этот
кров?
Гоните в шею дураков,
А то натащат пыли!
Дворец наш вовсе не таков,
Чтоб угощать в нём
простаков.
Пусть бродят, где бродили!
Здесь только туфелькам
почёт!
Лишь самый модный
каблучок
Вхож на паркеты наши,
И надо знать, что никогда
Никто, ко мне придя сюда,
Не спрашивает каши!

Ушли друзья — и Фон-Барон
С постели слез пуховой.
Уснуть уже не может он,
Слугу он кличет снова:
—Эй! Что за холод
во дворце?
И в том, и в этом вот конце
Сосульки в ряд настыли.
Болит от стужи голова.
Сходили б туфли по дрова,
Камин бы затопили!

Слуга в кулак подул,
Вздохнул:
— По этакой-то стуже
Не выйти туфелькам
за дверь:
Для дела этого теперь
Покрепче кто-то нужен.

— Так пусть шагают
башмаки!
Ведь это ж, право,
пустяки —
Пробить тропу до рощи.

— Ах, башмаки? Но их
здесь нет!
Они от нас ушли чуть свет
К хозяевам попроще.

Они вернуться не хотят,
Они в избе теперь сидят
На самом лучшем месте.
Хозяйка им подносит квас
И говорит, что нет у нас
Ни совести, ни чести!

Зёрнышко

Может быть, недавно,
А может быть, давно,
Лежало на тропинке
Пшеничное зерно.

Ни мало, ни велико,
Обычное собой,
Но с кожицею странной —
Небесно-голубой.

А полем по тропинке
Шагал один чудак,
Он зёрнышко заметил
И вслух подумал так:

— Чудесную находку
Смелю я на муку!
Я голубую булку
Ребятам испеку!

И к чудаку сейчас же —
Скорей! Скорей! Скорей! —
Примчался хмурый мельник,
С ним девять пекарей.

Примчались, осмотрели
Со всех сторон зерно
И хором заявили:
— Негодное оно!

Раз у него не жёлтый,
Не золотистый цвет,
То в нём большого проку
И не было, и нет!

Все пекари и мельник
Сказали чудаку,
Что зёрнышко такое
Не мелют на муку.

Но им чудак ответил:
— Пускай! Но всё равно
Я чувствую, я знаю —
Волшебное оно.

Настойчиво и громко
Он заявил в ответ:
— Я верю, что в находке
Есть сказочный секрет!

И в узенькую грядку
За домиком своим
Воткнул зерно и начал
Ухаживать за ним.

Он зёрнышко водою
Из лейки поливал,
Он грядку, если холод,
Подушкой накрывал.

Он грядку очень прочным
Плетнём огородил,
Он от неё ни ночью,
Ни днём не отходил.

А зёрнышко лежало
В земле
И не росло,
И, что ни день, то громче
Смеялось всё село.

— Никчёмная затея! —
Кричали там и тут.
— Чудес на свете нету!
К чему напрасный труд?

Но поливал упрямо
Чудак своё зерно,
Шептал он: «Урожая
Дождусь я всё равно!»

И вот однажды утром
Край грядки сам собой
Слегка зашевелился,
И тут же появился
Росточек голубой!

Он рос и рос.
Он вровень
С плетнём высоким встал,
А на макушке колос
Вдруг наливаться стал.

И в колосе не зёрна
Светились от жары,
А зрели
Голубые
Воздушные
Шары!

Их сразу расхватала
Босая детвора,
И до небес взлетала,
И громко хохотала:
— Мы лётчики!
Ура!

Даже хмурый мельник
Был очень, очень рад.
Он вместе с пекарями
Летал под облаками
И ни за что спуститься
Не хотел назад.

А наш чудак смеялся
И, голову задрав,
Кричал: — Ну вот,
смотрите!
Я оказался прав!

Пускай все сомневались —
Я верил всё равно,
И сказочную тайну
Открыло нам зерно.

Я верил, что на грядку
Вода не зря лилась,
И сказка получилась,
И наяву сбылась!

К стр. 112

Сказка про Яшу

Бубенчиков Яша,
Упрямый чудак,
Всё делал иначе,
Всё делал не так!

Пусть домик его
Чуть не весь развалился,
Пусть дождик на Яшу
То капал, то лился,

Но крышу чудак
Починить не спешил —
Он всех удивить
По-иному решил.

Он с берега в речку
Запрыгнул по горло
И крикнул соседям
Чуть сипло, но гордо:

— Вот способ укрыться
От туч и дождя!
Да здравствует мудрость!
Да здравствую я!

Он громко чихнул,
Но услышал в ответ:
— Ума-то у Яши
Ни капельки нет!

А Яша подпрыгнул
И крикнул: — Ах, так?
И кинулся в дом,
И полез на чердак.

Потом на трубу
Он залез с чердака
И начал метлой
Разгонять облака.

Махал он, махал,
Но соседи ему
Опять говорят:
— Это всё ни к чему.

Ты лучше бы, парень,
Подумал о деле:
Смотри-ка, на крыше-то
Дыры да щели!

И Яша спустился,
И целую ночь
Всё думал и думал,
Как делу помочь.

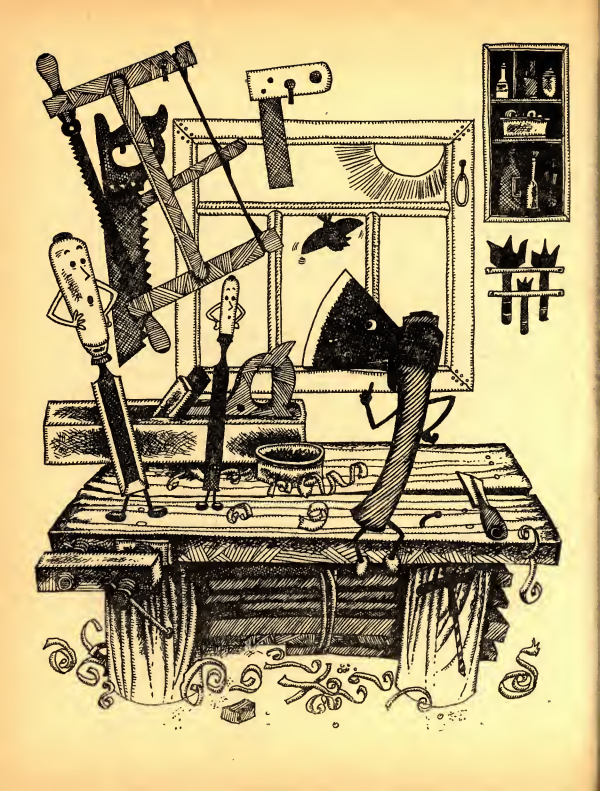
И вот из муки
Запашистой и белой
Он вымесил сдобное тесто
умело.

Упругое тесто
Вздымалось всё выше,
И он им заклеивал
Дырки на крыше.

А тут после дождика
Солнце взошло
И прямо на крыше
Пирог испекло.

Пирог был огромный.
Четыре недели
Соседи его
С удовольствием ели.

А съели — сказали:
— Ну вот, наконец,
Бубенчиков Яша
У нас молодец!

АФАНАСИЙ МАТРОСОВ

Как топор затеял спор

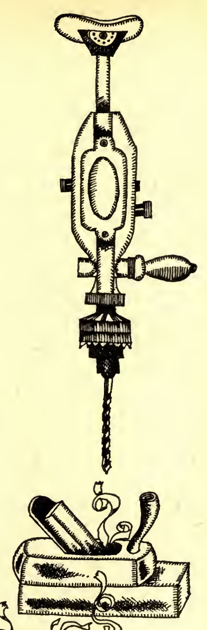

В мастерской
промкомбината
Много зим и много лет
Жил ни бедно, ни богато
Всевозможный инструмент.
Были свёрла и стамески
Разных видов и сортов,
Пилы, плашки для нарезки
Металлических болтов;
Клещи, дрели и фуганки,
Уйма целая резцов,
Плоскогрудые рубанки
Самых лучших образцов.
Все в работе находились —
Пилы, свёрла, топоры
Одинаково трудились,
Не бранились до поры.
Не перечили друг дружке,
Толковали по душам.
Превосходные игрушки
Мастерили малышам.
Но однажды на досуге,
Между делом, так сказать,
Топору свои заслуги
Захотелось доказать.

Он сказал соседям: —
Тише! —
Он забрался на верстак,
Нос задрал как можно
выше,
Начал речь примерно так:
— Я, товарищи, топор!
Всем известен с давних пор.
Я прославился трудом:
Не один построил дом,
Строил школы и заводы,
Стадионы, пароходы,
Океанские суда
И большие города.
Строил клубы, нефтевышки,
Лес рубил для этой
книжки —
Много было разных дел.
Всюду я один успел...
Этим временем пила,
Что поблизости была,
Услыхав такие речи,
Начала ему перечить:
— Уважаемый топор,
Ты с каких же это пор
Смог меня опередить?
Люди могут подтвердить,
Что не ты, а я, пила,
Всё на свете создала.
— Чепуха,— сказала резко
Крутолобая стамеска,—
Я вершила все дела,
Всюду первая была!
Рамы в окна я вязала

И всегда сама врезала
Петли, ручки и замки
В шифоньеры, сундуки,
В двери, ящики, ворота...
Это всё моя работа!
Ну, скажите: кто важней,
Кто, по-вашему, нужней?
— Нет, никто из вас
не прав,—
Забурчал в углу бурав,—
В каждой комнате квартиры
Я провёртываю дыры,
Чтоб электрики туда
Протянули провода;
Чтобы в комнатах при свете
Жили взрослые и дети.
Если б не было меня,
Все б сидели без огня.
Посему хочу отметить:
Я важнее всех на свете!
За буравом следом шило
Похвалиться поспешило.
— Больше пользы я
принёс! —
Тут рубанок произнёс.—
Я строгал в домах полы,
Стулья, лавки и столы,
Парты школьные и доску,
Чтоб придать им больше
лоску.

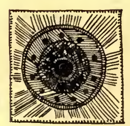
Мастерил салазки, лыжи,
Сундуки, шкафы для
книжек.
Мне с руки любое дело,
Потому открыто, смело
Заявляю в сей момент:
Я — важнейший инструмент!
— Разве мы не вместе были?
Почему меня забыли?
Почему случилось так? —
Разобиделся верстак.—
Вы сейчас себя хвалили,
Но забыли обо мне,
Вы строгали и пилили
Доски на моей спине.
Спор бы мог и дольше
длиться.
Всем хотелось похвалиться,
Даже малая игла
Тут поспорить бы могла.
Дрель и та бы не смолчала,
Отозвался бы резец.
Всё же есть всему начало
И, как правило, конец.

В это время в мастерскую
Мастер опытный зашёл
И примерно речь такую
С инструментами повёл:
— Ну к чему, друзья,
вам спорить!
Ну зачем шуметь
и вздорить?
Я скажу вам от души:
Вместе все вы хороши.
И, трудясь упорно, дружно,
Быстро строите, что нужно.
Вы прославились навеки,
Сталь и дерево грызя.
Но, друзья, о человеке
Забывать никак нельзя.
По упорству с ним в работе
Не сравниться никому!
Даже тем, что вы живёте,
Вы обязаны ему!
Он творит, изобретает,
Он о будущем мечтает,
И на свете без него
Не построить ничего!

АЛЕКСАНДР СПЕШИЛОВ

Искорка

Жил царь. Услыхал он, что в соседнем, Змеевом, царстве есть лощёный щит — щит лощён. Днём вместо печи греет, ночью светит вместо солнышка.

И разослал царь по стране гонцов, чтобы узнали, не согласится ли кто отобрать у Змея щит лощён. Но всем, даже самым могучим богатырям, было боязно идти в Змеево царство. Услышал про это работник Искорка, пришёл он к царю.

— Я добуду тебе щит лощён, только дай мне для этого двенадцать молодцов, тринадцать соболей и тринадцать соколов.

Всё дал Искорке царь. И вот сели молодцы с Искоркой на соболей, пустили соколов и поехали.

Ехали, ехали и приехали к Змееву царству. Дворец обнесён стеной вышиною в семь вёрст. Вечером, когда стемнело, соколы перелетели через стену, открыли ворота и пустили Искорку с молодцами.

Вошёл Искорка с ними во дворец. Видит: висит на стене щит лощён и светит, словно солнышко. А самого царя Змея дома нет.

Схватил Искорка свой меч-кладенец и говорит молодцам:

— Вы, ребята, ложитесь спать, а я буду стоять на карауле.

В полночь Искорка разбудил молодцов, говорит:

— Теперь ваша очередь стоять на карауле, а я спать хочу.

Лёг и захрапел.

Недолго караулили молодцы спящего Искорку, их сон сморил — они уснули как убитые. А на заре в Змеев дворец прибежал злой лесной богатырь Пехтимка да и унёс щит лощён.

Проснулся Искорка, видит: спят его караульные, а щита нет. Ничего не сказал своим молодцам Искорка, только велел немедля садиться на соболей. Сели и поехали к Пехтимке.

Ехали, ехали и приехали в тёмный лес. В лесу стоит изба о трёх углах. Открыл Искорка дверь и видит: сидит Пехтимка в одном углу, а в другие два угла ногами упёрся. На стене под самым потолком щит лощён красуется. Искорка снял шапку, поздоровался:

— Здорово живёшь, Пехтим Иванович!

У Пехтимки брови, как копны сена, нависли над глазами, и он ничего не видит. Говорит своему работнику:

— Подними-ка мне брови.

Работник поднял их вилами. Пехтимка увидел гостя, узнал.

— Добро пожаловать, Искорка. Садись на лавочку.

Искорка сел и говорит:

— Зачем ты, Пехтим Иванович, у меня щит лощён унёс?

Расхохотался Пехтимка.

— Не спи,— говорит,— долго. Почему долго спишь? Я тебе, пожалуй, и отдам его. Мне-то он совсем не нужен. Так, для красы. Только ты привези мне в жёны дочь царя Юнделя — Марфиду Юнделевну.

— Ладно, привезу,— согласился Искорка.

Искорка поехал один, молодцов своих у Пехтимки оставил. Едет лесом, а навстречу ему гораздый человек.

— Возьми меня, Искорка, с собой.

— А ты что горазд делать?

— Умею есть хлеб и всякую пищу.

— Ладно, поедем,— говорит Искорка.

Ехали, ехали. Из лесной чащи вышел другой гораздый человек и тоже просится в попутчики.

— Что умеешь делать? — спрашивает Искорка.

— Умею всякое питьё пить.

Тоже его взял с собой Искорка.

Через некоторое время опять попадается гораздый человек.

— Возьми, Искорка, меня с собой.

— Что делать горазд?

— Умею в бане париться.

Поехали дальше. Четвёртый гораздый человек встречается и просится в попутчики.

— А ты что умеешь делать? — спрашивает его Искорка.

— Умею из лука пестом стрелять.

— Поезжай с нами,— говорит Искорка.

Поехали впятером. Видят: пчёлы в дупло мёд носят. Гораздые захотели медком попользоваться. Искорка строго-настрого запретил разорять пчелиный улей.

Дальше едут. Видят: ворона сидит на гнезде. За неё тоже заступился Искорка.

Ехали, ехали и доехали до моря. Видят: на берегу лежит рыба щука и не может до воды добраться. Искорка слез с соболя и столкнул щуку в море.

Через год, через два приехали, наконец, к царю Юнделю. Обрадовался царь Юндель Искорке, велел баню истопить.

Пошёл Искорка со своими приятелями в баню, а к ней и подойти нельзя: каменка так раскалилась, что навстречу жаром пышет.

— А кто у нас горазд в бане париться? — спрашивает Искорка.

Выступил вперёд гораздый человек, который умел в бане париться. Забрался он на полок и давай себя веником хлестать. До того парился, что огонь в каменке погас, вода в кадке замёрзла.

Узнал царь Юндель, как гость в бане парился, и диву дался. Велел всех обедом накормить, вином напоить.

Сел Искорка с приятелями за стол, а на столе целые быки и бараны жареные, пива да вина целые бочки. Говорит Искорке царь Юндель:

— Всё это, гости дорогие, чтобы было съедено и выпито, а если не уважите меня, то за такую обиду и головы с плеч!

— Кто у нас горазд хлеб-соль есть, вино-пиво пить? — спросил Искорка.

Как сели за стол те, что горазды есть и пить, так весь стол и очистили. Опять удивился царь Юндель, спрашивает тогда Искорку:

— Зачем вы, молодцы, ко мне пожаловали?

— Сватать твою дочь Марфиду Юнделевну за Пехтима Ивановича,— отвечает Искорка.

— Хорошо,— говорит царь Юндель.— Если укажешь, в котором она тереме живёт, отдам её за Пехтимку.— И показал Искорке семь одинаковых теремов.

Глядит на них Искорка да посвистывает. Вдруг прилетела ворона, села на один терем и закаркала. Искорка говорит:

— В том тереме живёт царевна, на котором ворона сидит.

— Отгадал,— проговорил царь Юндель и повёл Искорку в терем.

В тереме спят семь девиц, и все друг на дружку похожие. Говорит царь:

— Укажи, которая царевна Марфида.

Тут прилетела пчёлка и села на щеку одной красавицы.

— Вот эта и есть царевна Марфида,— указал на неё Искорка.

— Верно,— говорит царь Юндель.— Придётся отдать её за Пехтимку, только пусть она приданое соберёт.

И стала Марфидушка приданое собирать, а его ни мало ни много: семь городов, сто теремов, пятьсот табунов, а остальное — шелка да бархаты, серебро да золото, да каменья самоцветные. Складывала она, складывала приданое и всё уложила в яичную скорлупу. Сама ударилась о сырую землю, сделалась серой утицей, поднялась за облака и превратилась в звёздочку.

— А кто у нас умеет из лука пестом стрелять?— спрашивает Искорка.

Вышел вперёд гораздый человек, опустился на колено, прицелился и попал пестом в звёздочку. Скатилась звёздочка с неба ясного и пала в синее море. Взглянул царь Юндель на Искорку, рассмеялся в усы, промолвил:

— Как ты её возьмёшь, богатырь? Вон она какая!

Подошёл Искорка к морю и видит: плывёт по морю щука, а в зубах у неё золотое веретёнышко. Взял его Искорка, разломил пополам. Одну половину бросил за себя, другую — перед собой и проговорил:

— Вырасти за мною белая берёза, а передо мною царевна Марфида Юнделевна.

Так и сделалось. Пришлось царевне Марфиде ехать с Искоркой к Пехтиму Ивановичу.

Когда приехали они к Пехтимке, тому не захотелось отдать щит лощён, как уговаривались. Подвёл он Искорку

к ущелью, через которое была переброшена тонкая жёрдочка, и говорит:

— Может быть, ты обижал в дороге мою невесту Марфиду? Если не обижал, так благополучно перейдёшь по этой жёрдочке, а ежели обижал, в пропасть свалишься.

— А может быть, ты обижал здесь моих молодцов? Докажи, что не обижал. Попробуй через ущелье по жёрдочке перейти.

Пехтимка согласился. Но только дошёл до середины, Марфида возьми да и столкни ножкой тонкую жёрдочку, и Пехтимка упал в пропасть.

Вот и всё. Марфида Юнделевна стала женой Искорки.

Взял Искорка щит лощён и поехал с молодцами да с молодой женой к своему царю. А тот был старый. Пока Искорка ездил за щитом, он уже умереть успел. Искорка стал самым главным в том государстве.

Солдат и черти

Служил солдат на царской службе двадцать пять лет, заслужил три сухаря и пошёл на родину. Идёт, а навстречу ему голодный человек попадается, молит от голода спасти. Отдал ему солдат один сухарь, себе оставил два.

Немного погодя солдат догоняет другого голодного человека. И этому дал сухарик. Идёт дальше солдат, а навстречу ещё один голодный человек — старик. Бредёт, едва ноги передвигает. Последний сухарь отдал солдат и ни при чём остался.

Старик съел сухарь и спрашивает:

— Скажи, служивый, в чём нужда твоя?

— Мало ли в чём нуждается отставной солдат! Да что с тебя взять-то? У тебя у самого ничего нет.

— Ты не гляди, что я старый да убогий,— говорит старик.— Скажи только, чего желаешь, и я сумею тебя наградить.

— Если есть карты, дай на память.

Старик вынул из-за пазухи карты.

— Бери,— говорит.— С кем ни станешь играть в эти карты, всякого обыграешь. Возьми ещё мою торбу. Что ни встретишь на дороге, зверя ли, птицу ли, и захочешь поймать, только распахни торбу и скажи: «Полезай сюда!» — всё сделается по-твоему.

Поблагодарил солдат старика и пошёл путём-дорогой. Шёл, шёл и прямо к озеру пришёл, а на озере три диких гуся плавают. Солдат распахнул торбу и промолвил:

— Полезайте сюда, в торбу!

Завязал солдат торбу и дальше зашагал. Вечером пришёл в город, зашёл в трактир и сказал трактирщику:

— Возьми гусей. Одного зажарь на ужин, второго возьми за вино, а третьего тебе за хлопоты.

Сидит солдат в трактире да угощается: выпьет винца да жареной гусятиной закусит. Вздумалось ему поглядеть в окошко. Видит: на другой стороне, на отлёте, стоит большой барский дом, а окна у него заколочены. Спрашивает солдат трактирщика:

— Почему такой большой дом пустой стоит?

— Видишь ли,— отвечает хозяин,— этот дом выстроил граф Шувалов под богадельню, а жить-то в нём нельзя.

— Почему? Зря такая казарма пропадает.

— Нечистая сила по ночам там собирается. Мы за пять улиц обходим этот дом. Из соседних домов давно все жители разбежались.

— Трусы! — сказал солдат.— Хочешь, я переночую в этом доме?

— Что ты, служба! Жизнь тебе, что ли, надоела? — говорит хозяин.

— Я двадцать пять лет царю служил да жив остался, а от чертей и подавно не умру.

Вечером солдат забрался в пустой дом и расположился в самой большой комнате. Снял с себя саблю и ранец с торбой, ранец поставил в уголок, а саблю на гвоздик повесил. Сел за стол, вынул кисет, набил трубку — покуривает себе.

В полночь набежало в дом чертей видимо-невидимо. Окружили солдата, прыгают, кричат, свистят.

— Зачем сюда пожаловал, служивый?

— Смир-р-р-рна! — скомандовал солдат.— Я пришёл сюда не шуточки шутить. Кто хочет со мной в карты играть — садись к столу, кто не хочет — пошёл отсюда.

Сели черти за стол. Солдат стал сдавать карты. Раз сыграли — солдат выиграл, в другой — опять выиграл солдат. Сколько ни хитрили черти, сколько ни жульничали, а все свои денежки спустили солдату. Жаль им стало денег, они набросились на него:

— Разорвём! Бей его, лупи!

— Посмотрим, кто кого разорвёт,— спокойно сказал солдат и распахнул торбу.

— Видите, что это? — спрашивает солдат.

— Торба,— отвечают черти.

— А ну, полезайте в торбу!

Столько чертей в торбе набралось, что ни повернуться им, ни вздохнуть. Когда ни одного чертёнка не осталось на свободе, солдат завязал торбу покрепче верёвкой и повесил на гвоздь, а сам спать лёг.

Утром пришли люди проведать, жив ли солдат, а он сидит за столом и трубку курит.

— Здорово, служивый! Ну, как ночевал? Как с чертями поладил?

— Что черти! Они у меня в торбе сидят. Приведите, братцы, поскорей кузнецов с кувалдами. Пусть и наковальню захватят.

Пришли кузнецы, принесли наковальню. Солдат говорит им:

— Снимите с гвоздя торбу, положите её на наковальню да приударьте по торбе по-своему, по-кузнечному.

Стали кузнецы снимать торбу и говорят между собой:

— Ишь, какая тяжёлая. Черти, что ли, в ней напиханы?

А черти откликаются:

— Мы, батюшки кузнецы, мы, родимые.

Положили кузнецы торбу на наковальню да и давай по ней бить пудовыми кувалдами!

— Смилуйся, служивый! — завопили черти.— Выпусти на вольный свет. В этот дом мы больше ни ногой. Тебя самого за сто вёрст обходить будем!

Солдат остановил кузнецов. Когда он развязал торбу, черти так и прыснули во все четыре стороны!

Козёл и козлушка

Жил козёл с козлушкою. Пошёл он в лес за лыками, козлушка — за орехами. Козёл пришёл с лыками.

Но нет козы с орехами.
С буйною головкою,
С белою бородкою,
С тоненькими ножками,
С золотыми рожками.

— Берегись же, коза! — говорит козёл.— Я на тебя волков натравлю.

Отказались волки козу драть.

— Тогда я на вас, на волков,— решил козёл,— людей напущу.

Но не идут люди волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
С тоненькими ножками,
С золотыми рожками.

Надумал козёл натравить на людей медведя.

Не идёт медведь людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

«Погоди же! — думает козёл.— Я на медведя огонь пошлю».

Но не идёт огонь медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
С тоненькими ножками,
С золотыми рожками.

Решил козёл огонь водой загасить.

Не идёт вода огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

— Не хочешь, вода, огонь заливать? Пригоню к тебе быков, пусть они выпьют тебя,— пригрозил козёл.

Но не идут быки воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
С тоненькими ножками,
С золотыми рожками.

— Ладно! — сказал козёл.— Напущу-ка я на быков дубы.

Не идут дубы быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

И решил тогда козёл топор на дубы послать.

Но топор не идёт дубы рубить, дубы не идут быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
С тоненькими ножками,
С золотыми рожками.

— На тебя, топор, я гору свалю, чтобы она тебя иступила,— пригрозил козёл.

Не идёт гора топор тупить, не идёт топор дубы рубить, дубы не идут быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Задумал козёл напустить на гору червей.

Но не идут черви гору точить, гора не идёт топор тупить, топор не идёт дубы рубить, дубы не идут быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Нет козы с орехами,
С тоненькими ножками,
С золотыми рожками.

Попробовал козёл послать гусей, чтобы они червей склевали.

Не идут гуси червей клевать, черви не идут гору точить, гора не идёт топор тупить, топор не идёт дубы рубить, дубы не идут быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

Послал козёл на гусей острые ножи.

Не идут ножи гусей резать, гуси не идут червей клевать, черви не идут гору точить, гора не идёт топор тупить, топор не идёт дубы рубить, дубы не идут быков бить, быки не идут воду пить, вода не идёт огонь гасить, огонь не идёт медведя палить, медведь не идёт людей давить, люди не идут волков стрелять, волки не идут козу драть.

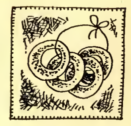
Нет козы с орехами,
С тоненькими ножками,
С золотыми рожками.

«Ножи-то тупые»,— догадался козёл и принёс точильные бруски.

Бруски пошли ножи точить, ножи пошли гусей колоть, гуси пошли червей клевать, черви пошли гору точить, гора пошла топор тупить, топор пошёл дубы рубить, дубы пошли быков бить; быки пошли воду пить, вода пошла огонь гасить, огонь пошёл медведя палить, медведь пошёл людей давить, люди пошли волков стрелять, волки пошли козу драть.

Пришла коза с орехами,
С буйною головкою,
С белою бородкою,
С тоненькими ножками,
С золотыми рожками.

Глаза завидущие, руки загребущие

В церкви святого Николы служил поп. Глаза у него были самые поповские, завидущие. Служил он Николе несколько лет, немало богатства награбил, а всё ему мало. Пошёл он искать другой приход, богатый.

Шёл он, шёл путём-дорогой. Догоняет его незнакомый старичок.

— Здравствуй, святой отец! Куда идёшь и откуда? Возьми меня с собой в товарищи.

Поп взял его в товарищи, и вместе пошли. Шли, шли, устали и сели отдохнуть. У попа было с собой несколько сухариков, а у старика два калача. Поп говорит:

— Съедим вначале твои калачи, а потом за сухари примемся.

— Хорошо,— согласился старик.— Съедим мои калачи, а твои сухари на вечер оставим.

Стали они есть калачи, а те не убывают. Ели, ели, досыта наелись, а какие были раньше калачики, такие и остались. Попу завидно стало. «Дай,— думает,— украду у старика такие чудесные калачики».

Старичок после еды лёг отдохнуть на травку и уснул. А поп стянул у него оба калача да и съел их втихомолку. Проснулся старик и калачей хватился.

— Где мои калачи? — спрашивает старик попа.— Ты их съел.

— Ей-богу, не ел я твоих калачей!

Отдохнули они и пошли дальше. Вскоре добрели до какого-то царства. Узнали, что у царя в том царстве дочь при смерти. Царь объявил: кто вылечит его дочь — тому полжитья-полбытья, полцарства, а не вылечит — голова долой!

Старичок-то, оказывается, знающим был, решил он вылечить царскую дочь. К дворцу пошёл, а за ним и поп увязался.

У дворца их встретили слуги царские.

— Что за люди? Что надо? Плетей захотели?

— Мы лекари,— говорит им старичок.— Можем вылечить царевну вашу.

— Если так, заходите во дворец.

Старичок три дня лечил больную царевну, а поп в это время на царской кухне обжирался. Когда царевна выздоровела, старичок привёл её к царю, а поп уже там, в царской горнице.

Царь поставил перед ними сундук с серебром и золотом.

— Сколько хотите, столько берите,— сказал царь.— Вы вылечили мне дочь, для вас я ничего не пожалею.

Старичок стал брать золото двумя пальцами, а поп горстью загребущей. Набил он золотом свои поповские карманы и спрашивает:

— А где же полцарства-то? Ведь обещано было.

— Ничего нам больше не надо,— сказал старичок.— И так получили лишнее.

Простились с царём они, с царевной и пошли своей дорогой. Шли, шли и дошли до другого царства. Поп узнал по секрету, что у этого царя тоже дочь больная, и тихонько-полегоньку удрал от старика да прямо во дворец, как настоящий лекарь.

Чтобы вылечить царевну, поп потребовал проводить его в отдельную избу, царевну туда перенести, заготовить воды ведра четыре.

Дней десять прошло, а он всё лечит. У царя и терпение лопнуло. Пришёл в избу и видит, что дочь по-прежнему больная, а лекаря и след простыл.

Стали искать его, самозванца. Нашли в кабаке, а тут среди народа и тот самый старичок оказался, настоящий-то лекарь. Как повели попа казнить, старичок подошёл к нему поближе и говорит:

— Покайся перед смертью, что ты съел мои калачи.

— Богом клянусь, не я! — отвечает поп.

Втащили его на вторую ступеньку.

— Сознайся, ты украл мои калачи? — снова спрашивает старичок.

— Право, не я! Ей-богу, не я!

Ввели попа на третью ступеньку, а он опять: не я и не я! Ему голову в петлю, а он всё толмит: не я!

Старичок говорит царю:

— Позволь мне вылечить царевну. Если не вылечу, тогда

вели нас обоих казнить, а пока отпусти этого мошенника мне на поруки.

Долго ли, коротко ли, но старичок вылечил дочь царскую. И этот царь наградил его серебром и золотом. Вышел старик из дворца, а поп его уже поджидает.

— Пойдём скорее деньги делить,— говорит поп.

— Хоть не ты их заработал,— сказал старичок,— но я согласен. Мне-то деньги совсем не нужны.

Пришли в поле. Старик разложил деньги на три кучки. Поп глядит и удивляется:

— Ведь нас двое!

— Третью часть,— говорит старичок,— я отдам тому, кто у меня калачи украл.

— Я украл у тебя калачи! — закричал поп.— Я их съел! Могу клятву дать, если не веришь!

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕСЯТЬ СКАЗОЧНИКОВ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Сборник сказок писателей Прикамья

Составитель
А. Домнин

Редактор **А. Зебзеева**
Художественный редактор **М. Тарасова**
Гехнический редактор **В. Чувашов**
Корректор **Л. Крамаренко**

Сдано а набор 11/I 1974 г. Подписано в печать 2/X 1974 г. Формат 70×90 1/16. Бум. типогр. № 2 — на текст, офсетная № 1 120 гр.— на аклейки. Бум. л. 3,75+0,25 л. (вклейки); печ. л. 7,5+0,5 л. (вклейки); усл. печ. л. 9,35; уч. изд. л. 7.715 (6.97+0,745 л вклейки). Тираж 100 000 экз. Цена 80 коп. Темплан 1974 г. Изд. № 43. Зак. 1200. Пермское книжное издательство. 614000. Пермь. ул. К. Маркса, 30.
Типография изд-аа «Звезда». Пермь, ул. Дружбы, 34.

Д37 **Десять сказочников под одной крышей.** Составитель А. М. Домнин. Пермь, Кн. изд-во, 1974.

115 с.

Сборник сказок писателей Прикамья. Для младшего возраста. Художник С. Можаева.

$Д\frac{0762-80}{М152(03)-74}43-74$ Сб

[illegible] коп.

Пермское
книжное
издательство
1974

